

Александр Звягинцев

ЛЕДНИКОВ

Принуждение к любви

Александр Григорьевич Звягинцев
Принуждение к любви
Серия «Валентин Ледников», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=260772
Принуждение к любви: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-02484-6

Аннотация

Ледников оказывается втянутым в темную интригу, которую плетут чрезвычайно влиятельные и не стесняющиеся в средствах люди. Эти люди пользуются покровительством сильных мира сего, причем не только в России, именно они стоят за кулисами «оранжевой революции» на Украине.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Звягинцев

Принуждение к любви

Многие действующие лица и события современной истории, упомянутые и описанные в романе, вымышлены. Некоторые – нет. Кстати, взгляды автора зачастую весьма отличны от воззрений его героев. И даже главных.

Глава 1

Конклюдентные действия

1

Вот тогда и возникло это смятение от непонимания происходящего, пугающее своей необъяснимостью, смутностью, сознанием собственной беспомощности. И запомнилось, и уже не оставляло его никогда.

Мальчик был еще маленький, лет десяти, и жил летом на даче с дядей и тетей, у которых своих детей не было. Они души в нем не чаяли и баловали, как только можно. А родители его в это время отдыхали в Болгарии.

Как-то днем в послеобеденную жару, когда дядя и тетя возились в саду, мальчик пробрался на маленькую веранду – влез в окно, чтобы его не заметили, – и пристроился там с книжкой, которую накануне перед отъездом привез отец. Дверь он старательно закрыл, а шторы задернул, чтобы его не нашли. И поэтому – а может, книжка оказалась интересной – он сначала ничего не услышал. А потом было уже поздно.

Сначала он просто не мог понять, что происходит. В большой комнате слышались невнятные, приглушенные голоса, шарканье ног, какая-то возня. Мальчик поднял голову и стал вслушиваться. Страх сразу вошел в него, потому что голоса были чужие, а он был один. И вдруг ему в голову пришла страшная мысль, что эти люди сделали что-то плохое с дядей и тетей, а теперь ищут его. И сердце у мальчика заколотилось сразу во всем теле, сотрясая его. А потом он непослушными пальцами зачем-то чуть отодвинул занавеску, прикрывавшую стекло на двери, и принялся к образовавшейся щели и одним глазом. И увидел в комнате дядю и тетю.

Но страх не ушел, он вцепился в мальчика еще сильнее, потому что увиденное было непонятно и жутко. Дядя молча тянул тетю за руки, а она упиралась и что-то говорила ему сдавленным, свистящим шепотом, оглядываясь на распахнутую входную дверь. Только тут мальчик вдруг разобрал слова: «Олег, ты что! Не надо! Ты с ума сошел... Валька же тут! Войдет сейчас!»

Услышав свое имя, мальчик невольно закрыл глаза. Это все из-за него! Ему нельзя видеть то, что он может увидеть сейчас!

Но он все равно открыл глаза и увидел, как дядя захлопнул входную дверь и стал подталкивать тетю куда-то в угол. Она упиралась, продолжая что-то непрерывно шептать, но он не отпускал ее ни на секунду. А потом они пропали с глаз, и что-то тяжело заскрипело там, в комнате...

Мальчик вжался щекой в холодное стекло, вывернув голову, и на мгновение увидел, что они оба лежат на диване, и вдруг услышал странные, жуткие стоны тети...

¹ Действия лица, выражающие его волю установить правоотношение, но не в форме устного или письменного волеизъявления, а поведением, по которому можно сделать заключение о таком намерении.

Страх сотрясал его все сильнее. А стоны были невыносимы. Еще немного, и он закричит сам, понял мальчик, и тогда они его обнаружат! Но бежать можно было только мимо них, а он понимал, что этого делать нельзя. Ни за что!

Вдруг он вспомнил, что оставил окно открытым. Занемевшее от страха тело не слушалось мальчика, но он дополз до окна, отдернул штору и увидел верхушки елок на фоне синего, до рези в глазах ослепительного неба и с какой-то оглушительной ясностью услышал радостный гомон птиц. Он поднялся с колен, лег животом на подоконник и вывалился головой вперед, обдирая колени, из окна на траву.

Не обращая внимания на боль, он добежал до беседки и затаился там. В голове его что-то клокотало, больно било в виски, и страх не оставлял его. Он сидел там и чего-то ждал. Мальчик не думал о том, что увидел. Он только знал, что видеть это ему было нельзя. Еще он сразу решил про себя, что никогда и никому не признается в том, что все-таки видел это.

И тут он услышал шаги. Кто-то спустился с крыльца и пошел к беседке. Мальчик сразу понял, кто это идет. Они все знают, подумал он. Слышали, как я лез в окно, потом зашли на веранду, увидели книгу и сразу поняли, что я все время был там, все видел и слышал.

Что же он теперь со мной сделает?

Дядя стоял на пороге беседки и внимательно глядел на мальчика, который не мог поднять глаза. Потом он сел рядом, и мальчик испуганно втянул голову в плечи. На соседней даче вдруг громко заиграла музыка.

— А мы тут тебя потеряли, — каким-то странным, хриплым голосом сказал дядя. — А ты вот где спрятался.

— Я не прячусь, — стал торопливо оправдываться мальчик.

— Я знаю. Это я так, к слову, — объяснил дядя, глядя куда-то далеко-далеко. — Чего тебе прятаться? Зачем? Ну, беги.

На пороге беседки мальчик почему-то обернулся, дядя смотрел на него как-то странно — то ли с усмешкой, то ли извиняясь. Он как будто хотел сказать что-то, объяснить, но не решился. То ли просто не нашел слов. А тетя, неожиданно веселая, покрасневшая, возилась на большой веранде с грибами, которые они набрали утром, и даже что-то напевала, тихо улыбаясь.

Прошло немало лет, мальчик вырос и многое узнал о том, что случается с мужчиной и женщиной, и все-таки случившееся тогда на даче так и осталось в его памяти навсегда. Догадались ли они, что он все видел? Что пережили, если догадались? Что подумали о нем? Этого он так и не узнал. И не узнает уже никогда.

Глава 2

Злонамеренное соглашение

2

Выбравшись из метро на Сухаревской, там, где к пятикупольной церкви Троицы в Листах приделали очередной торговый центр с «Макдоналдсом» и, рискуя сломать ноги на узких обледенелых тротуарах, заставленных бесчисленными машинами, я углубился в сreitenские переулки.

Я шел на работу. Меня вызвал шеф. Сам Бегемот. У него было для меня дело. Чисто конкретное. Он не мог поручить его никому другому. Такое вот мне собирались оказать высокое доверие.

Вообще-то по паспорту Бегемот значился Макогоновым Георгием Венедиктовичем, и в школе мы его сначала звали просто Макогоном. Но потом я первый в классе прочел «Мастера и Маргариту». Всякий раз, когда в великом романе на сцене появлялся толстяк с кошачьей физиономией и круглой головой, поросшей густым волосом, очень похожим на кошачью шерсть, я видел перед собой, как живого, нашего классного мудилу Макогона. И уже не мог называть его иначе, а за мной последовали остальные, потому что в классе я был авторитетом, а Макогон им не был. Он был мудилой – именно так его называли, когда о нем заходила речь. «А где этот мудила?» или «Чего ждать от этого мудилы?» – говорил кто-то из ребят, и все знали, о ком речь. Об этом мудиле Макогоне, превратившемся в мудилу Бегемота.

Потом я понял, что с Бегемотом вышла ошибка – в великом романе он был обаятельный, а Макогон своей необъятной прыщавой рожей внушал отвращение, и прежде всего нашим девчонкам, особенно когда, сопя и потея, он пытался поладить их. Но было поздно – кличка Бегемот приклеилась к нему так, что уже не отодрать. А на самом деле он был похож на жирного, тупого, самодовольного гангстера, с серой обвислой кожей на морде, сальными губами и толстыми волосатыми пальцами, без которого не обходится ни один боевик про итальянскую мафию.

Хотя никаким мафиози Бегемот, честно говоря, не был. Просто, повзрослев и окончательно превратившись в ходячий бочонок, облаченный в костюм и галстук, Бегемот скоро понял, что быть неотразимым остроумным красавцем ему не суждено, а потому придется быть таким, каков он есть на самом деле. То есть жирным, грубым и циничным. Возможно, он поначалу и погоревал немного по этому поводу, но потом быстро сообразил, что жить таким существом вполне даже можно. Его манеры в комплекте с лоснящейся физиономией и трехслойным затылком, видным даже из-за ушей, производили на людей куда более сильное впечатление, чем старания быть галантным, изящно шутить и говорить умные вещи. С тех пор он сопел, чмокал губами, без зазрения совести пучил свои глазенки в любой компании и отпускал женщинам откровенные пошлости прямо в глаза. Причем с нескрываемым удовольствием.

И дела его пошли в гору. Потому что хотя он и не был киношным гангстером, но, как выяснилось, не был и подлинным мудилой. В настоящей жизни он разобрался куда быстрее, чем многие наши школьные и университетские гении, чьи таланты вдруг оказались мало кому нужны, когда они повзрослели.

² Сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы. Заключается с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, и признается ничтожной.

Наконец я пробился сквозь ледяные колдобины к старинному одноподъездному зданию, в котором теперь среди множества других агентств, представительств и никому не ведомых фирм размещалась контора Бегемота. Предъявив верзиле в черном костюме с какой-то идиотской нашивкой на рукаве свой такой же идиотский пропуск, который на моих глазах наскоро соорудила секретарша Бегемота, я поднялся на второй этаж.

Здесь в коридоре стоял огромный, как шкаф, автомат, выдававший кофе – от эспresso до капучино. Я скормил шкафу червонец, который он долго переваривал с утробным завыванием, и с привычным удовлетворением нажал кнопку «капучино», хотя рядом с ней значилась цена – 15 рублей. Аппарат вздрогнул, напрягся и все-таки выдал мне стаканчик, в котором поверх кофе плавала шапка белой сливочной пены. Как-то я случайно открыл, что этот шкаф плохо разбирает, сколько денег ему скормили, и с тех пор с тихой радостью пользовался его доверчивостью.

– Эх ты, дурачок, – ласково сказал я, дал ему щелчка в холодный металлический лоб и со стаканчиком капучино поднялся на третий этаж во владения Бегемота.

Симпатичная, тоненькая, как художественная гимнасточка, секретарша – всякий раз при виде ее невольно думалось, что если эта скотина Бегемот заставляет девочку отдаваться ему, то хлеб свой она зарабатывает непосильным трудом, – особо доверительным голосом сообщила, что «он только что про вас спрашивал». То ли я ей нравился, то ли по привычке, она всегда кокетничала со мной напропалую. Но я никак не реагировал, потому как чувствовал себя рядом с ней настоящим «папиком», и подозревал, что и она так считает про себя. А кокетничает на всякий случай, сразу сообразив своим быстрым умишком, что Бегемот относится ко мне не так скотски, как к другим сотрудникам своего богоугодного заведения.

У девушки были широко расставленные глаза – верный признак того, что пусть умишко у нее и небольшой, но холодный и расчетливый, а ценит она только то, что можно использовать практически.

Несколько лет назад, когда Бегемот вдруг, к моему изумлению, оказался главным редактором журнала, он при первой же нашей встрече сообщил, что у него две бухгалтерши и обе главные. Понятно, мне надо было тут же спросить его, зачем ему две бухгалтерши и обе главные. Я спросил. Бегемот радостно затрясся, заклекотал, задыхаясь от смеха, и сообщил: «А я с одной живу, а с другой...» Он сделал паузу, мутные глазки его выпучились, как у настоящего бегемота, и, помирая от довольства собой, он закончил: «А с другой... тоже живу!»

За сим великим откровением последовала минута моего молчания, в течение которой он пытался своими короткими ручонками удержать от выпадения из штанов свой разволнованный от лающего смеха живот.

– Ну ты и скотина, – пробормотал я.

– Ага! – радостно подтвердил он. – Угу. Еще какая скотина!

В его широком, как ведро, лице всегда было что-то азиатское, казахское или монгольское. В школе он даже как-то поведал нам, что мать его была родом из среднеазиатских баев. Бабушку же его носили на носилках рабы, а дед содержал целый гарем и вообще пользовался любой женщиной, которая ему нравилась. И никто из подданных не смел возразить, а только радовался такой чести.

Молодой женщине оказаться в подчинении такого типа, который в юности сильно недобрал по женской части, радость, конечно, невеликая, подумал я, глядя на девочку-секретаршу с голым, несмотря на зимнее время, животиком. И вдруг заметил, что она вовсе не выглядит заморенной и изможденной непосильными трудами и унижениями. Скорее даже наоборот – весьма довольной и цветущей. Или в этой толстой скотине Бегемоте осталось что-то человеческое, или я, как всегда, слишком хорошо думаю о женщинах. У этой девочки были короткие и крепкие зубы, цвета слоновой кости, а такие умеют добиваться своего, если

надо, не считаясь ни с чем. Здоровье у них обычно такое, что вполне позволяет продвигаться все дальше и выше.

Утешившись этим нехитрым умозаключением, я вошел в кабинет.

Перед Бегемотом, натурально, красовался навороченный ноутбук и лежали три мобильника. Не отрывая свой начальственный взор от экрана, он рассеянно кивнул мне. Усевшись напротив него, я стал дожидаться, пока мутила перестанет корчить из себя занятого делами босса. Можно было и подождать. Согласно главной армейской мудрости «солдат спит, а служба идет». В данном конкретном случае мне шла зарплата, которую от своих щедрот положил мне Бегемот.

Глава 3

Исчисление сроков

3

Наши пути разошлись сразу после школы. Я поступил в университет на юридический, а Бегемота родители определили в какой-то новомодный платный институт, владельцы которого якобы обучали студентов экономике, а на самом деле просто собирали с них деньги и жили на них в свое удовольствие. Но студенты не жаловались, потому что тоже жили в свое удовольствие, не забивая себе головы премудростями наук, в полной уверенности, что после окончания института им понадобятся вовсе не знания, а совсем иные умения. После института я оказался в прокуратуре, где постигал таинства профессии следователя, а Бегемот, открывший в себе призвание дельца, менял фирмы и банки, нигде особенно не задерживаясь, в надежде наткнуться на настоящий нефтеносный участок. Мы с ним практически не пересекались. Он вдруг прорезался, когда я уже покинул прокуратуру и неожиданно для себя оказался специальным корреспондентом еженедельной газеты «Эхо», где в отделе права работал мой приятель Женька Веригин.

– Ку-ку, Валек, это Бегемот! – прохрюкал он. – Ты мне нужен. Записывай адрес.

Никогда раньше Бегемот не разговаривал со мной таким тоном. Не решался.

– А ты уверен, что тебе нужен именно я?

– Ты-ты! – опять закатился он. – Кто же еще?

– Кто тебя знает. Слушай, Бегемот, а ты теперь кто? Извини, что-то давно о тебе ничего не слышал...

– Милый, так и я узнал, что ты теперь журналюга, только вчера. И сразу звоню! Ты оцени!

– Оценил. Так кто ты все-таки, Бегемот?

– Генеральный директор и главный редактор журнала «Элитарный клуб»! – торжественно провозгласил он. И помолчал, милосердно дав мне время пережить услышанное. – Слышал про такой?

– Краем уха. А что тебе от меня надо? У меня вроде бы другой профиль.

– Валечка, профиль у нас теперь у всех один – за который деньги дают. И другой профиль нам не нужен. Давай приезжай, и я тебе сделаю предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Почему-то я поехал. То ли из любопытства, то ли от нечего делать. Теперь не вспомнишь, чего меня к нему тогда понесло.

Это был не край Москвы, конечно, но и не самое веселое ее местечко. Заводской район, панельные девятиэтажки, первые этажи и подвалы которых уже давно стали обживать и приспособливать под собственные нужды оборотистые ребята. Вместо всяких жэков, дэзов и дворничих кладовых в них открывались турагентства, приемные нотариусов, стоматологические клиники и ресторанчики. Помещение, которое оттяпал у чиновных жуликов Бегемот, было не чета затопленным подвалам и убогим дворничихим комнатенкам. В советские времена там располагался вытрезвитель, в котором был даже «красный уголок». Именно в этом уголке Бегемот и расположил свое логово.

Там было все, что надо для заведений такого сорта. Кожаные диваны и кресла, фикусы размером с лесное дерево, огромный компьютер и стеклянный шкаф с какими-то масками,

³ Установленный законом, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами.

кубками, дипломами, гжельскими поделками, которые выдавались за подарки восторженных поклонников и почитателей. А еще все коридоры бывшего вытрезвителя были завалены пачками разных номеров журнала, судя по всему, не находившего сбыта.

Когда Бегемот принялся излагать мне историю рождения своего предприятия, я сразу понял, что не услышу ничего нового. Эти проекты тогда вылуплялись и пропадали, как торговые палатки у станций метро. Мужики, у которых от запаха больших денег приключался ступор в мозгах, решили, что каждый приличный бизнесмен должен иметь свое издание, потому что это круто и можно печатать собственные фотографии и рассуждения. А также фотографии дружбанов, жен, партнеров, любовниц, собак и кошек. Что тоже, на их взгляд, было прикольно.

Некоторые из них, более развитые, говорили, что таким манером нужно создавать и поддерживать круг своих – круг преуспевающих людей, они же основа нового российского общества. Чтобы влиятельная зарубежная общественность знала, что в стране есть не только униженные и оскорбленные, но и люди, которые устроились вполне удачно и прочно, а потому не надо драматизировать ситуацию в нашем отечестве. Наиболее продвинутые и романтические мечтали создать собственное влиятельное издание, которое будет доносить нужные идеи на самый верх, а заодно создавать новым хозяевам жизни благопристойный имидж за рубежом.

В общем, всплывшая наверх биомасса хотела, чтобы ее воспринимали в качестве элиты. А Бегемот в своем издании должен был выдавать соответствующее удостоверение. По существу, он торговал индульгенциями, как вечно пьяный монах-католик накануне Реформации.

Собственно, еженедельник, в котором я тогда служил, являлся новоделом такого же рода. Но наш владелец был бизнесменом-мечтателем и потому хотел влиять, а хозяин Бегемота оказался, судя по всему, любителем красивой жизни, то есть хотел блистать и утирать бегемотовским журналом носы своим недругам и завистникам.

– В общем, он хочет, чтобы журнал стал клубом для своих. Сюда к нам будут приходить знаменитости, а он через них будет обделывать свои черные дела, – ухмыльнулся Бегемот. – А может, ему достаточно будет потереться об их знаменитые бока, чтобы тут же кончить от счастья.

Тут он расплылся в своей фирменной улыбке, от которой девки в нашей школе падали в обморок.

– Ему это действительно так нужно? – удивился я.

Улыбка Бегемота перешла в индюшачий клекот, заменявший ему смех.

– А может, он думает, что у знаменитых баб между ног все не так устроено? – пропыхтел он.

– Поперек, что ли? – хмыкнул я.

И тут же пожалел о своих словах. Не хватало мне еще с Бегемотом обсуждать такие темы – потом стошнит.

Зато Бегемот чуть не задохнулся от счастья.

– Поперек, – задышался он. – Поперек! Подожди, а это как?

– Ладно, хватит пошлостей, – сурово сказал я, все еще злясь на себя за то, что пошел на поводу у этого скота. Неужели на меня подействовало то, что он теперь начальник и я невольно пытаюсь ему соответствовать, если не сказать хуже? – Давай выкладывай, чего тебе надобно, старче?

Видимо, я вложил в свой голос соответствующие чувства, потому что Бегемот сразу заткнулся. А потом посмотрел на меня оценивающе, и что-то жесткое и злое сверкнуло между его покатым лбом, заросшим кошачьим волосом чуть ли не до бровей, и пористыми, как целлюлитные бедра немолодой бабы, щеками.

– Злой ты стал, Валентин, – вдруг печально протянул он. – Нехорошо. Ты раньше добрый был, в юности.

– В юности я людей за решетку не сажал. Так что...

– Ладно, проехали, – неожиданно четко сказал Бегемот. – Есть предложение. Босс тут раскинул мозгами и придумал такую штуку. Раз, говорит, у нас клуб для избранных, то должны быть люди, которым мы отказываем от членства в нашем клубе.

– То есть?

– То есть мы заводим рубрику «Список нежелательных лиц» или что-то вроде того и печатаем там соответствующие материалы на соответствующих людей. Типа: мы не хотим их видеть у нас потому и потому... А вести эту рубрику за очень хорошие бабки предлагается тебе.

– Спасибо за высокое доверие, – хмыкнул я. И поинтересовался: – Ну и кто же будет составлять проскрипционные списки?

– Я, – не моргнув глазом, сказал Бегемот.

– Ой-ой-ой!

– Ну, мы с тобой, – пожал плечами Бегемот. – Если для тебя это так важно.

– А твой босс?

– А он будет списки смотреть и ставить галочку красным карандашом рядом с фамилией, против которой он не возражает. Ну и что тут такого? А в вашей газетенке разве не так? А на телевидении не так? А везде не так? Ты лучше спроси, сколько я тебе денег положу.

– Да я представляю.

– Чего ты представляешь? А ты представляешь, что можно будет потом брать деньги, чтобы не печатать компромат? Ты представляешь, какие можно будет брать деньги?

Тут я чуть не сказал ему, что в прокуратуре я мог брать такие деньги, которые ему, толстомордому обалдую, и не снились, но, слава богу, вовремя остановил себя. Не хватало еще перед Бегемотом выпендриваться.

– Я сразу о тебе подумал, – осчастливил меня признанием Бегемот. – Ты же юрист, значит, знаешь, как подать материал, чтобы нас в суд не потащили. А потом у тебя с прокуратуры источники остались, связи. Тебе же это делать – как два пальца...

Признаться, у меня уже тогда был повод поразмышлять над предложением, но спешить нужды не было. Чтобы выиграть время, я коварно предложил выпить. В результате наш первый после долгой разлуки бизнес-ланч закончился тупой пьянкой, которая лишь чудом не переросла в настоящий бардак.

В ответ на мое тихое предложение пропустить по рюмочке Бегемот немислимо оживился, засуетился и выволок откуда-то из-под себя целый ящик настоящего французского коньяка. Им, насколько я уразумел из показаний Бегемота, расплатилась с журналом за рекламу некая разорившаяся фирма, вынужденная рассчитываться с кредиторами своими активами, а они-то и заключались в ящиках с вином, ликерами и коньяком.

После первой же рюмки стало ясно, что мой ход был абсолютно точен – Бегемот опьянел сразу, в мгновение ока, еще не донеся первую рюмку до рта. Так пьянеют люди, пребывающие в многодневном запое. Мне оставалось лишь влить в него еще немного, чтобы он отключился окончательно. Но, прежде чем отключиться, он проявил себя во всем блеске и великолепии.

Сначала он нудно перечислял, какие актрисы и певицы побывали у него вот на этом самом диване и что он там с ними проделывал.

– У меня тут очередь, как за пивом при Советах, – бормотал он, пуская пузыри. – Но я добрый, я никому не отказываю.

Тут он устался на меня, икнул и сказал:

– Секретаршу позвать? Давай-давай, она у меня всегда наготове, как пионер... Будь готов – всегда готов... К борьбе за дело коммунистической партии... Нет, ты понимаешь – коммунистической партии! К борьбе! Сейчас мы тут прямо и поборемся, все вместе, а?

– Лучше выпьем, – еле отбил я.

Спорить с пьяным – последнее дело, самое лучшее – попытаться его отвлечь. Но Бегемот, видимо, был принципиально зациклен на развратных действиях.

– Старичок, ты сугубо не прав. Лучше и то, и другое. И пожрать, и родину продать. И туда, и сюда. Ты не смотри, что она такая на вид, если ее взять за...

– Верю-верю.

Его сальности удалось пресечь, лишь плеснув еще жидкости в стаканы.

– Просто она не в моем вкусе, – попробовал я успокоить его.

– Обидеть хочешь? – прищурился Бегемот. – Что, я твои вкусы не знаю? У нас тут и на этот вкус, и на тот... На любой.

Он выбрался из-за стола, добрал до дивана, плюхнулся на него, потом вытащил из кармана мобильник и набрал номер так быстро, что остановить его не удалось.

– Алло, это ты? – мерзким голосом промычал он. – А это я. Так, давай быстро в душ и сюда – трахаться будем. У меня тут мужик сидит обалденный, мой друг, увидишь – сразу оргазм. А потом еще раз. Еще много-много раз...

Бегемот спрятал телефон и посмотрел на меня с ушлым видом – мол, теперь не отвертись. Было очевидно, что идея исчерпала себя и время визита подошло к концу. Без всякой жалости я налил ему полный стакан. Через пару минут он закатил глаза и захрапел.

Я выбрался из кабинета и сказал секретарше, молодой блондинке в очках, которая вовсе не выглядела, на мой взгляд, необузданной нимфоманкой, что начальника лучше какое-то время не беспокоить. Она застенчиво кивнула, и я чуть не спросил ее, какая же нелегкая занесла ее во владения этого чудовища, но сдержался. Что я мог предложить ей взамен? К тому же она вдруг сняла очки-хамелеоны, и я сразу заметил, что у нее «мерцающий» взгляд. А такие люди склонны к интригам за спиной других. Но не потому, что они злы, а потому что им не хватает душевного равновесия, они легко впадают в отчаяние или возбуждение и в таком виде могут натворить многое. Так что Бегемот мог ждать от нее сюрпризов. Но это уже меня не касалось.

В коридоре я захватил с собой пару номеров «Элитарного клуба» из сваленных на полу пачек, полистал их вечером дома и обнаружил, что Бегемот умудрился производить издание вполне приличного уровня. Его единственным недостатком была принципиальная неотличимость от множества других журналов такого толка. Там было все, что могла предложить продвинутая московская пишущая тусовка, но и ничего больше.

Бегемот позвонил на следующий день, и по тому, как аккуратно он подбирал слова и мучительно составлял фразы, я понял, что он абсолютно не помнит, чем закончились наши высокие переговоры. Работать с ним я, естественно, не стал. Копаться в дерьме недругов его босса не тянуло, а потом сразу чувствовался запах тления и приближающейся кончины в коридорах и кабинетах его конторы.

Что, я не знал, как это бывает? Насмотрелся, слава богу! И потому мог рассказать всю историю от начала до конца.

Очень скоро его боссу надоест игра в Руперта Мердока, он начнет требовать прибыль, урезать бюджет, и конверты с черным налом будут становиться все тоньше и тоньше, а потом и вовсе исчезнут. Собственно, Бегемот уже вступил в эту стадию. Самая веселая и прибыльная часть проекта была уже позади, он вместе с командой освоил первоначальный капитал, пришла пора и честь знать.

Мы с ним встретились еще несколько раз, половина из этих встреч была совершенно случайной, но этого было достаточно, чтобы убедиться – Бегемот спивается по-настоящему, без дураков.

Все могло кончиться совсем плохо, потому что он тупо занимал деньги у кого попало, а в коридорах редакции и на кожаных диванах появились личности, которые если и входили в элиту, то совсем иного разлива и с другого входа. У него забрали за долги джип, из редакции побежали люди – участвовать в новых интересных и веселых проектах. Потом у него отобрали помещение, но оставили жить, вернее, допивать свое.

Во время последней нашей встречи Бегемот рассказал мне про кошмар, который мучает его по ночам.

Заброшенный холодный гараж, под ногами хлупает грязь, он заперт в этом гараже кем-то, кто смотрит на него снаружи в дверную щель. Спрятаться от этого взгляда нельзя, спросить, чего от него ждут, страшно. Только ясное понимание – это конец, спасения нет.

Потом Бегемот пропал, сгинул куда-то. Но через несколько лет раздался звонок, и я снова услышал:

– Ку-ку, Валентин, это Бегемот. Да ты не бойся, я не с того света, живой еще! Причем трезвый, как последний пидорас.

Смешно, но он опять предложил мне работу. А еще смешнее, что я его предложение принял, потому что особого выбора у меня тогда не было. Но прежде я навел справки и узнал, что Бегемот лечился и теперь стал совершенным трезвенником. А что касается его нынешнего предприятия, то это было обычное пиар-агентство с обширным и туманным кругом задач и услуг. Его особенностью было то, что оно обслуживало интересы «одного человека». Собственно, ради этого «один человек» его и учредил, ради этого и содержал.

Человек был хоть куда, на любой вкус. В прошлом крупный комсомольский чин, потом предприниматель, сотрудник администрации президента, заместитель министра, а ныне сенатор от какого-то северного региона, занимающийся международными проблемами. Потому как серьезных преступлений за ним не числилось, во всяком случае, официально, он считался человеком приличным, с которым можно иметь дело.

Как уж там Бегемот вышел на господина сенатора, мне не сказали. Может, родственные связи сработали. Но какое-то время назад Бегемот возник рядом с сенатором в роли мальчика на побегушках. Стал нужным человеком, убедил в своей преданности и в какой-то момент доказал, что господину сенатору было бы удобно и выгодно иметь при себе контору, которая могла бы выполнять бесконечные деликатные поручения как самого господина сенатора, так и его друзей и партнеров.

В этой-то конторе Бегемот и предложил мне получать жалованье, когда я ушел из «Эха». Взамен на выполнение кое-каких поручений. Когда я при первом же разговоре предупредил его, что криминал исключается, Бегемот скорчил такую рожу, будто я говорил о скотоложестве.

«Валечка, спать спокойно – мой принцип!» – провозгласил он.

Сразу же вспомнилось, что ему регулярно снится промерзший, запертый гараж, из которого уже нет выхода.

В тех досье, которые я составлял на различные фирмы и компании, действительно не было ничего криминального, да и заниматься противоправными действиями ради этого не было никакой нужды. Как известно, даже разведки развитых государств большую часть нужной информации получают из открытых источников, потому что знают, где искать, и не ленились это делать. А уж как пускали в ход составленные мной досье Бегемот и его босс, я, как всякий истинный интеллигент и чистоплюй, не интересовался. Или делал вид, что не интересуюсь.

Но сегодняшний неожиданный вызов мне почему-то не понравился. Что-то меня в нем настораживало.

Допив капучино, я постучал костяшками пальцев по столу. Этот мудозвон мне надоел. Бегемот, наконец, соизволил обратить свой сумрачный лик в мою сторону.

– Ну? Белый господин соизволит что-либо сказать?

Но Бегемота теперь не так-то легко было смутить, он натаскался там, среди своей элиты, обтесался, заматерел и сам научился кидать понты.

– Извини, – с легкой, но уловимой насмешкой сказал он.

Видимо, его даже слегка позабавило мое раздражение, но он не собирался придавать ему никакого значения. Вот такой он теперь стал, этот мудила. Простите великодушно, бывший мудила.

– Ты свою бывшую газетку за прошлый месяц читал?

Наконец он перешел к делу. Но при чем тут «Эхо»? Газету я по старой памяти просматривал, но и только.

– Смотря что...

Бегемот вытащил из ящика стола номер «Эха» и протянул мне. Подвал с материалом, который назывался «Бучманский гамбит», был отмечен маркером. Фамилия автора Степаниди ничего мне не говорила – скорее всего, псевдоним. Причем откровенный такой, демонстративный.

– Не читал, – сказал я.

– Прочитай, – фыркнул Бегемот. – Мне нужно знать, откуда тут ноги растут. Кто давал информацию? Кто предоставил документы? Они для внутреннего пользования, принимались на закрытом заседании дирекции, не подлежали размножению и разглашению, а тут – полный текст. В общем, мне нужно знать все.

– Тебе или...

– Без разницы, – сухо отрезал Бегемот. – А что, тебе этого мало?

Его тон мне не понравился. Впрочем, плевать на его тон, мне все тут не нравилось почему-то. Если бы еще знать – почему именно?

– Слушай, Бегемот, ты или давай колись до самой задницы, или не морочь мне голову. Что ты из себя донна Корлеоне корчишь? Что тут узнавать? Тоже мне – бином Ньютона! Пусть твои шестерки прокатятся до редакции, и за пятьсот рублей им там все расскажут. Как на духу. Или, как в подвалах Лубянки.

– Катались, – хладнокровно сообщил он. – Ничего не узнали. Ты думаешь, я сразу тебе звонить стал? Сам думал, что все просто. Но ничего пока не узнали. Концы спрятаны.

– Пусть посмотрят другие газетки. Если это организованный слив, одного «Эха» им мало, они разослали материал повсюду...

– Давай так, Валь! Ты смотришь, анализируешь, разговариваешь, узнаешь все, что можно, в редакции или еще где, мне без разницы, и сразу докладываешь. Мне нужен ответ. Слушай, Валек, действительно очень надо, – вдруг по-человечески сказал он. – Поверь, я бы не стал тебя отрывать из-за ерунды.

– Чей все-таки заказ? Самого?

– А ты думаешь, он у меня один? – Бегемот самодовольно усмехнулся.

Не выдержал Бегемот, сломался. Ему только дай перья распушить, сразу обо всем забывает.

– Постоянный клиент. Связи уходят в небеса. – Он ткнул своим толстым пальцем в потолок.

– Сроки?

– Какие сроки! – возмущенно всколыхнулся он. – Вышли все сроки давно! Валя, милый, нам нельзя его упускать. Если он обратится к другим, мы будем козлами. Потому что

я чувствую тут перспективы. Если хочешь знать, седалищем своим чувствую, понимаешь, а оно у меня вон какое необъятное! Поверь, я не ошибаюсь. Сделаем то, о чем просят, я из него потом такие заказы вытрясу, что нам с тобой на всю оставшуюся жизнь хватит. Но сначала надо сделать!

Он подался ко мне, и лицо его оказалось так близко, что я мог рассмотреть все поры на его носу. Чего-то он слишком распалился, чересчур как-то. Неужели только из-за статьи? Подумаешь, обычная джинса, заказуха, кого ей сегодня испугаешь? Но Бегемот что-то все-ррез разошелся.

Я встал.

– Ладно, начальник, пошел работать.

– Сразу звони, как узнаешь, – прохрипел Бегемот.

Вдруг вспомнилось, как он валялся пьяный на диване в «Элитарном клубе» и звонил своим бухгалтершам – и одной звонил, и другой звонил...

– А девочку из приемной мне подаришь за работу? Такую юную, тоненькую, нежную девочку-секретаршу?

Какое-то время он врубался в услышанное. Он даже не сразу понял, о чем разговор. Да, Бегемот, видать, стал другим человеком. И кто его знает, что у него теперь на уме. Наконец до него дошло, и он облегченно вздохнул. Даже помахал мне ручкой.

– Хочешь, бери прямо сейчас. Хотя нет, сначала работа. Девочка никуда не денется – даю слово.

Девочка в приемной, как всегда, улыбнулась мне, и улыбка у нее оказалась вполне даже порочная.

Глава 4

Виктимное поведение

4

Выбравшись из логова Бегемота, я вскоре оказался на Сухаревской площади и предался размышлениям.

Задание Бегемота можно было выполнить тут же – для этого достаточно было нырнуть в метро, добраться до редакции «Эха» и добыть там всю нужную информацию. Но, во-первых, не было никакого желания бежать по бегемотовским делам задрать штаны и демонстрировать ему свою немыслимую расторопность. А во-вторых, хотелось прежде внимательно прочитать материал и накопать хоть что-нибудь по своим источникам. Еще не хватало подсоблять Бегемоту вслепую, ведь он вполне мог влезть и в историю весьма сомнительного свойства.

И тут у меня в кармане пиджака завозился мобильник.

– Привет, мальчуган, я тебя потеряла! Ты что, прячешься от меня?

Это была Разумовская.

– Я не прячусь, – тупо сказал я.

– А я знаю, – закатилась смехом она. – Куда тебе прятаться? И главное, зачем?

Ее просто распирало от веселья.

– Мальчуган, – заорала она вдруг. – Я тебя очень хочу, сегодня и сейчас!

– Что так?

– Естество свое берет.

– Так мороз на дворе, – рассудительно сказал я. – Сегодня градусов десять.

– Эх ты, хлюпик! – фыркнула Разумовская. И задорно продекламировала: – Мороз десятиградусный трещит в аллеях парка, нам весело, нам радостно и на морозе жарко! Мальчуган, будь готов!

Судя по всему, она была в машине, а там ее всегда распирало от радости, там она всегда себя чувствовала хозяйкой жизни. Хотя, когда Разумовская себя ею не чувствовала? Это было ее обычное состояние.

– Завтра утром я улетаю, так что вечером мне нужно быть в семье – прощальный ужин и все такое... А до вечера я вся твоя.

– А как же прощальная ночь с безутешным супругом? Сил-то хватит на всех?

– Мальчуган, на свете есть вещи, недоступные твоему пониманию. – Разумовская просто не соизволила обратить внимание на мои колкости. – Ты где? Только не вздумай объявить, что у тебя срочные дела. Я – твое главное дело.

Было ясно, что увильнуть не удастся. Да, собственно, чего увиливать? От чего? Чего ради?

– Так, значит, план такой. – Разумовская резко перешла на деловой тон. – Сначала обедаем где-нибудь по-быстрому, а потом прямо к тебе.

Вот так с ней всегда – все рассчитано и расписано по минутам. Не только своя жизнь, но и чужие.

– Я сейчас подберу тебя, – сообщила она.

– Звучит оскорбительно, – проворчал я.

– А ты будь выше этого, мальчуган, – тут же посоветовала она. – Будь гордым и высоким.

⁴ Провоцирующее, легкомысленное поведение потерпевших, послужившее поводом для совершения преступления.

– О господи, что тебя сегодня так несет?

– Я вся в предвкушении. Просто потеряла голову! Кстати, где ты сейчас?

– На Сухаревке.

– Ты гений, мальчуган!

– Чего так?

– Потому что я сворачиваю на Сретенку, и через две минуты мы уже вместе. Думай, куда пойдем обедать...

Вот так вопрос с бегемотовским поручением отпал сам собой. Но до появления Разумовской я все-таки успел позвонить отцу. Попросил его посмотреть в Интернете статью из «Эха» и подумать, что бы она значила. Отец, который наверняка оторвался от телевизора, по которому шли бесконечные новости с киевского Майдана, занятого оранжевыми демонстрантами, обещал помочь и сразу положил трубку. Наверное, он был самым заинтересованным зрителем оранжевой революции в Москве, потому что родился в Киеве и детство его прошло на том самом Крещатике, где теперь рядом с шикарными магазинами дымили трубами палатки борцов за превращение Украины в европейское государство.

Разумовская действительно подкатила через несколько минут. Я любил смотреть на нее в машине. Они были созданы друг для друга. Большинство людей, садясь за руль, буквально меняются.

У многих лезут наружу комплексы и склонности к преступлению. Образ же Разумовской за рулем обретал черты совершенства и законченности. В отличие от других женщин она держала руки на верхней части руля. Обычно так водят автомобиль люди с развитой фантазией, интеллектуальным вкусом, веселым характером, уверенностью в себе и любящие при необходимости поспорить. Иногда ее руки напоминали классическое положение – стрелки, стоящие на «без десяти два». Иногда она вытягивала их вперед, насколько это возможно, с силой упираясь спиной в подушку кресла. В движении этом было что-то порочное и весьма сексуальное.

А как она выходит из машины! А как в нее погружается...

Уже через несколько минут мы с Разумовской сидели в китайском ресторане среди огромных аквариумов, в одном из которых лениво плавала одинокая пятнистая мурена, тело которой извивалось, как флаг на ветру, и вкушали карпа в кисло-сладком соусе. Разумовская ела с таким удовольствием, будто ее перед этим долго морили голодом.

– А ты что невесел, мальчуган? – оторвавшись от карпа, вдруг участливо спросила она. – Что ты голову повесил? Неужто опять о печалях отечества нашего любезного страдаешь? О родине малой и большой?

Ну, это уже было слишком! Сначала Бегемот ведет себя со мной как с последним клерком, а теперь еще Разумовская позволяет себе...

– Да потому я невесел, что эрекция у меня тут на днях пропала. – Тяжело вздохнув, я с горестным видом уставился на затаившуюся среди камней мурену, которой никакая эрекция не грозила от рождения.

Разумовская чуть не подавилась своим карпом и уставилась на меня. Я виновато понурил голову.

– Мальчуган, ты чего? Ведь неделю назад...

– Пока не вообще пропала, а поутру, – горестно поведал я. – Знаешь, раньше поутру просыпаешься – аж звенит! Чувствуешь в себе силы – необъятные. Весь организм трубит: вот он я какой! Петь хочется. И главное – никакой бабы рядом не надо. Натуральный глас торжествующей здоровой плоти! А ну, расступись, честной народ, не то зашибу ненароком!

Наклонившись поближе к Разумовской, я чуть слышно пробормотал:

– Вот уже четыре дня...

Забыв о карпе, она внимательно смотрела на меня. Вроде бы мне удалось с достоинством выдержать ее сверлящий взор, но тут она снова принялась за остывшую рыбу, и я понял, что разоблачен.

Закончив с карпом, она отложила вилку в сторону, промокнула губы салфеткой и ласково сказала:

– Не переживай, мальчуган, сейчас по дороге зайдем в аптеку, и я куплю тебе виагру – лошадиную дозу. Не то что петь потянет, ты у меня вприсядку пойдешь!

Вот такой она была, Анна Юрьевна Разумовская.

Моя Анетта, моя первая и последняя студенческая любовь, которая после какой-то дурацкой нашей ссоры вышла назло мне замуж за офицера-разведчика – правда, менять свою чудную фамилию и становиться госпожой Панюшкиной отказалась – и уехала с ним в Америку. Там она родила сына, училась на каких-то курсах чуть ли не в Стэнфорде, стала профессиональным политологом, специалистом по утверждению демократии на постсоветском пространстве. По возвращении в Москву ее муж сразу ушел из органов, думаю, сыграла роль экзотическая в его кругах карьера жены. А расторопная и беззастенчивая Анетта тем временем стала сначала вторым, а потом и первым человеком в российском отделении одного из самых серьезных западных фондов. Официально фонд нес идеи свободы и уважения прав личности, а на деле с помощью грантов, всяческих курсов, лекций, семинаров и прочих совместных радений формировал в стране группы людей, свято убежденных, что наша богатая, но малопредсказуемая страна должна стать безопасной и послушной частью цивилизованного мира. О том, что это означает полное подчинение Западу – причем границы этого подчинения нигде и никогда принципиально не оговаривались – разумеется, говорить было не принято. Это считалось грубостью, дурным тоном, неотесанностью и манией преследования. Или еще хуже – имперским синдромом.

Не знаю, как Разумовская жила со своим доблестным мужем-разведчиком за океаном, но мне она позвонила сама сразу после их возвращения и предложила увидеться.

Произошла странная встреча. Мы о чем-то бессмысленно говорили и больше всего боялись коснуться друг друга. Ибо понимали, первое же прикосновение – и сразу станет ясно, осталось ли все по-прежнему или мы уже чужие. Прикосновение состоялось, и сразу выяснилось, что ничего не изменилось. Хорошо запомнилось только, как моя рука не узнала тонкую талию Анетты, она вдруг оказалась ощутимо раздавшейся вширь. Последствия родов, сообразил я потом.

Она вернулась в мою жизнь совершенно по-хозяйски, ничуть не сомневаясь в своем праве устроить между нами все так, как ей нравится. Я же после ухода жены, забравшей с собой сына, легко и бездумно подчинился, не понимая, на что себя обрекаю. Потому что Разумовская от природы была наделена врожденным инстинктом власти. Стремление властвовать было смыслом ее жизни. Это занятие никогда ей не надоедало. И дело было не в масштабах власти, она не претендовала на какие-то особые политические и административные высоты, хотя и делала стремительную карьеру. Просто распоряжаться окружающими, помыкать ими, разводить и сводить по собственному усмотрению было ее предназначением в этом мире, без этого она не могла. Такой вот она уродилась, моя Анетта.

Кстати, я никогда не звал ее Аней, Анькой или, прости господи, Анютой! Как-то сразу придумалось – Анетта.

Потом случайно нашел книжку с толкованиями разных имен. Про имя Анна там шел какой-то святочный лепет: «В Анне с раннего детства проявляется ее главное качество – доброта. Она с радостью ухаживает за котятами, щенками, птичками. Играя со своими куклами, обращается с ними, как с младшими детьми. В более старшем возрасте она поможет старенькой соседке с покупками и в работах по дому. Заботы родных и близких ей людей

становятся и ее заботами. Окружающие нередко этим злоупотребляют, но Анна из-за этого не обижается.

Она вполне может быть сестрой милосердия, учительницей, воспитателем. Отдает себя работе полностью, не заботясь при этом о материальной стороне дела».

Я от души нахохотался, потому что все в Анетте было прямо противоположно этой характеристике. Котята, куклы и милосердие! И старенькая соседка в придачу!

Но потом дошел до конца и получил хороший удар по мозгам. Оказалось, «Анна способна полюбить человека больного, пьющего или неудачника. При этом она никогда не будет сожалеть о своем выборе. Она безропотно будет нести свой крест в течение всей жизни, стремясь помочь несчастному человеку».

После этого пассажа о «несчастном человеке» мне оставалось только наложить на себя руки. К счастью, я вовремя сообразил, что раз вся характеристика в Анетту не попадает, значит, и слова о пьющем неудачнике тоже мимо. В данном случае мимо меня. И потом, какой я неудачник? Подумаешь, не делаю карьеру, как другие! Может, у меня стиль такой? Неудачник! Да я и в школе, и в институте, и в прокуратуре, и в газете всегда был среди лучших и самых талантливых. Я никогда не сомневался, что то же самое произойдет и в любой другой конторе. А может, я волк-одиночка, в натуре? Или, например, анахорет? Или я просто начальство не люблю. При общении с человеком, который убежден, что имеет полное право помыкать мной, поучать, я начинаю невольно демонстрировать свою независимость. Причем если не словами, то всем своим видом. Всякое начальство в таких случаях, естественно, раздражается. А некоторые особи только от одного моего вида порой впадают в бешенство. Причем я вовсе этой своей особенностью не горжусь и с большим облегчением избавился бы от нее. Но пока не удастся. А вот когда удастся, тут уж я закушу карьерные удила...

Кстати, однажды я поинтересовался у Анетты, а не хотели ли родители назвать ее иначе, более подобающе. И узнал, что мама действительно хотела назвать ее Жанной, но папа был против из-за своего вечного польского гонора и предрассудков. Сторговались они на Анне – как сокращенном от Жанны. Что ж, могу поклясться теперь, что мама-то ее была права. Потому что дома я опять открыл книгу толкований и узнал, что Жанна обычно «еще в детстве очень своеобразный ребенок. Характером больше похожа на отца. Перенимает у него упрямство, настырность, себялюбие. Старается дружить со всеми, но обид не прощает и может даже подрасться. Часто выбирает мужскую профессию, она отличный водитель. Может быть неотразимой, если хочет. В семье лидер. Муж всегда может положиться на ее интуицию и энергию. Приготовлением обедов чаще занимается муж, Жанна занимается домашним хозяйством по настроению. В воспитании детей исповедует строгость, четкое распределение обязанностей...»

Добавить еще несколько реальных штрихов, и – вылитая Анетта.

А книга-то не дура, подумалось мне. Не удержавшись, заглянул туда, где рассказывалось про всех Валентинов разом. Оказалось, «Валентин – послушный и прилежный ребенок. В школе у него много друзей. Валентин – хороший товарищ, на которого всегда можно положиться. Защищает девочек от обидчиков. Не лишен волевых качеств. Валентин склонен к созерцательности и покою. Он проявляет больше интереса к гуманитарным наукам, чем к естественным. В юношеском возрасте Валентин может увлечься такими предметами, как философия или психология, и он вполне может стать хорошим врачом-психиатром или психотерапевтом. Может добиться успехов и в других сферах деятельности. Свободное время больше посвящает спокойным занятиям. Любит почитать книгу, посидеть за шахматами или кроссвордом. В женщине в первую очередь ценит скромность, ровный характер...»

Этого чтения мне хватило за глаза. Чего, спрашивается, моих родителей понесло на Валентина? Все не в масть! В шахматы я вообще не играю, книгу, правда, могу и почитать при случае. Зато все остальное!.. И с женщинами полный пролет. Моя ушедшая жена была

действительно тихой, зато упорной, как ослица. А вот Анетта и скромность – две вещи просто несовместные. Так что тут ребята дали маху.

Какую выволочку она устроила мне, когда узнала, что я ушел из прокуратуры. «Ты хоть понимаешь, какую карьеру мог сделать!» – зло выговаривала она. А когда я стал объяснять, что не могу заниматься отцеубийцами и малолетними психами да перед начальством выкаблучиваться, только рукой махнула: «Наверное, ты думаешь, что мне все нравится из того, чем я занимаюсь? Далеко не все, мальчуган, но я уже взрослая тетя и понимаю, что можно делать, а что нельзя. Есть вещи, которые надо терпеть, и взрослый человек их терпит. А ты как пацан. Попробовал, не получилось – убежал».

Правда, потом она здорово приободрилась, когда я устроился в газету к своему другу Женьке Веригину. «А что, мальчуган, тут есть что ловить! Станешь у меня модным журналом, собеседником первых лиц, политическим обозревателем, а там...»

И Анетта принялась меня раскручивать. Я только успевал отбиваться от звонков из зарубежных корпунктов, приглашений на телевидение, заказов из модных журналов. Потом она махнула на меня рукой: «Что поделаешь, мальчуган, будем ждать, когда ты повзрослеешь и станешь настоящим мужчиной – который зарабатывает деньги и имеет власть. Но ты должен помнить – мой любовник не может быть лузером. Мне этого моя шляхетская гордость не позволяет».

Выволочка за уход из газеты была тоже будь здоров. Но когда она узнала, что я работаю у Бегемота!..

Отбушевав, она вдруг с печалью посмотрела на меня. И сказала: «Столько лет вместе, а я про тебя ничего не знаю. Как ты умудрился?» Это ты умудрилась, хотел сказать я, столько лет вместе, а ты даже не знаешь, что от меня можно ждать, а чего ждать нельзя. Но я промолчал. Ведь Валентинам на роду написано не обижать девочек.

Какое-то время мы не виделись. А потом она, к счастью, вернулась. Мы обошлись без новых объяснений. Просто обоим было ясно, что мы не можем друг без друга. Но с тех пор Анетта довольно внимательно следит за моим душевным равновесием и настроением – ждет сигнала, что я устал быть лузером и готов стать при ее содействии приличным человеком, достойным членом нашего развеселого общества. А возможности для содействия такому процессу у нее были, да еще какие!

В машине она отыгралась за мою эрекционную провокацию по полной программе. На светофорах и в пробках хватала меня за колени и все интересовалась, как там «наш маленький друг» пережил утренние неприятности, и намекала, что она знает одно очень сильное средство, которое мигом поставит его на ноги. Под шутки такого разлива мы добрались до моей квартиры. Раздеваться она стала прямо в коридоре. И стащила она с себя там не только короткую шубейку, но и джинсы. И потом она не отказывала себе ни в чем. Орала и кусалась в постели, разгуливала по квартире в моей майке, не прикрывавшей попку, затащила меня в ванную принимать вместе душ со всеми вытекающими отсюда последствиями. В общем, распустилась...

Около семи вечера она бросилась одеваться, чтобы не опоздать к тихому семейному ужину.

– Какое счастье, что ты не красавица, – с глубоким удовлетворением сказал я, наблюдая за ней, лежа в постели. – Как нам повезло!

Разумовская как раз натягивала в этот момент джинсы. Она так и замерла, не успев застегнуть молнию.

– Что-что? Это как понимать, милый друг? Тупое мужицкое хамство после совокупления? Или?

Так и не застегнув джинсы, она встала надо мной, уперев руки в боки, так что можно было вдоволь любоваться ее пламенно-красными трусиками, тлевшими, словно уголья, под темными прозрачными колготками.

– А ну, повтори еще раз, и тогда...

– Помнишь, у Чехова есть рассказ «Красавицы»?

– Ты Чеховым не прикрывайся! Чехов ему вспомнился! А я теперь заснуть не смогу, всю ночь прорыдаю в подушку, изверг!

Ну, это Анетта загнула, все она прекрасно про себя давно знала. И гораздо лучше меня.

– Такой рассказ ни о чем... О нескольких случайных встречах с красивыми девушками. Встречах совершенно случайных и мимолетных. Где-то на захудалой железнодорожной станции, на каком-то дремучем постоялом дворе. Это все не важно. Важно то, что сразу видишь, что перед тобой настоящая красавица, понимаешь это без всяких доказательств и объяснений. «С первого взгляда, как понимаешь молнию», так там было написано.

Разумовская смотрела на меня теперь уже задумчиво.

– И дальше странное признание. Примерно так... Ощущал я красоту как-то странно. Не желания, не восторг и не наслаждение возбуждала во мне она, а тяжелую грусть. Почему-то мне было жаль всех, и красавицу, и себя особенно... И было во мне такое чувство, как будто мы все потеряли что-то важное и нужное для жизни, чего никогда больше не найдем...

Разумовская тихо села рядом со мной, ласково погладила по щеке.

– Ты же не хочешь, чтобы я смотрел на тебя без желания? – спросил я. – Без наслаждения, но с жалостью?

И она только покачала головой в ответ, продолжая смотреть на меня серьезно и словно испытующе.

– «Смутно чувствовал я, что ее редкая красота случайна, не нужна и, как все на земле, не долговечна... – продекламировал я почему-то запомнившийся текст. – Или моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты? Бог знает!»

– И часто ты себя такими мыслями мучаешь? – спросила она.

– Бывает, – вдруг смутился я.

Чего это меня, в самом деле, развезло? Но больше всего я боялся, что Анетта сейчас залепит что-нибудь такое, от чего между нами, как говаривали в старину, развернется пропасть непонимания.

– Эх ты, – ласково сказала она. – Давно бы пришел ко мне – я бы тебе все объяснила. Настоящая красота – это идеал. А идеал не должен быть живым и достижимым. Ему не место в нашей жизни. Поэтому одни при виде красоты впадают в грусть, предчувствуя все, что с нею сделают в этой жизни. Поэтому бог и не дает красавицам ничего, кроме красоты, а особенно ума и воображения, чтобы они не кончали жизнь самоубийством, глядя на себя в зеркало.

– А другие?

– Какие – другие?

– Ну, те, которые не впадают в грусть при виде красоты?

– А-а, эти... Эти бездушные скоты впадают в жестокое сладострастие и хотят только полапать недостижимый идеал своими грязными лапами. Поиметь они его хотят. Любой ценой. Вот такие дела, мальчуган.

– Так, значит, я прав, и нам с тобой повезло!

– Еще как! – хмыкнула Разумовская. – А то было бы у тебя со мной прямо по анекдоту – трахаю и плачу. Так что у нас, у тех, которые не красавицы, свои радости. И вообще тебе надо не Чехова, а Пушкина читать. «Нет на свете царицы краше польской девицы!» Заруби себе на носу. Это я тебе как польская девица говорю.

Тут она посмотрела на часы и помчалась за шубой. Уже облачившись в свои песцы, она подлетела ко мне с прощальным поцелуем.

– И куда ты улетаешь? – осведомился я.

– Ого, – прищурилась Разумовская. – Мальчуган вдруг заинтересовался моей служебной деятельностью! Это личное? Или задание получил?

– Личное. Глубоко личное.

– А вот и не скажу. Сам догадайся.

– Тоже мне загадка! Опять небось в ЦРУ за указаниями, как разрушать нашу бедную родину дальше...

– Чего ее разрушать? – хмыкнула Анетта. – Помнишь, мой маленький любитель классиков, у Щедрина мальчик без штанов говорит мальчику в штанах: «Чего нас жалеть, если мы сами себя не жалеем!» Вот так, мой милый мальчуган без штанов! – закатилась она и стащила с меня одеяло. Штанов на мне действительно ее усилиями давно уже не было. Пришлось прикрываться подушкой.

Разумовская окинула начальственным оком открывшуюся ей картину, пробормотала что-то вроде: «А годы проходят, все лучшие годы!..» – и полетела к двери.

Я встал и поплелся за ней, по-прежнему прикрываясь подушкой.

– Думай обо мне по утрам – и все будет хорошо, – шепнула она на прощание.

– Ага, испугалась!

– А ты как думал? Лучше выдумать не мог?

– Зато уважать себя заставил, – хмыкнул я.

– Зачем, дурачок, тебе уважение? Я же люблю тебя, а это гораздо лучше.

– Но я же русский человек. Мне, понимаешь, без уважения никак нельзя.

К этому времени Разумовская давно уже распахнула входную дверь, и если бы кто-то мог видеть нас со стороны, его взору бы открылась картинка, достойная пера: на лестничной площадке дама в роскошной шубе и совершенно голый мужик, прикрывающий одно место подушкой, несут какую-то ерунду и никак не могут расстаться.

Но тут загудел, заклацал железом лифт.

– Кончай трепаться, простудишься. – Разумовская затолкала меня в квартиру и сама закрыла дверь.

Она утомила меня так, что я заснул сразу, едва добравшись до постели, еще хранившей ее ароматы.

Часа через два позвонил отец и сообщил, что у него есть о чем поведать. Спросонья я даже не сразу сообразил, о чем это он. И лишь с трудом вспомнил – бегемотовские дела. Деваться было некуда. Пришлось одеваться и тащиться на мороз, который заворачивал все сильнее. К счастью, идти было недалеко. Ведь с некоторых пор мы с отцом жили в соседних домах.

Глава 5

Потестас

5

– А теперь признавайся, – сказал отец. – Ты сам-то читал текст?

– Ну, – потупился я, вспомнив, как Разумовская с голой попкой скакала по моей квартире. Почитаешь тут!

Честно признался:

– Не успел. Замотался.

– Эх вы, шаромыжники, – вздохнул отец. – Поколение верхоглядов. Любители легкой наживы.

– Мы просто жизнелюбы, – миролюбиво сказал я.

– Ишь ты, жизнелюбы они! В жизнелюбы вы еще чином не вышли, молодой человек! До жизнелюба вам дослужиться надо. А пока вы просто бабник или пьяница.

– Я что-то не понял, что это за табель о рангах такая?

– А вот такая! При советской власти все ее знали. Мелкая сошка, Акакий Акакиевич какой-нибудь, инженеришка, если гулял – он назывался бабник или пьяница. Если в загул пускался человек в чинах, уже некоей властью облеченный, о нем говорили: морально неустойчив. То есть человек наш, но может и подвести, ибо если жене изменяет, то может и Родине изменить. А если гулял великий писатель или художник, или другой маститый чин, таких называли жизнелюбами. То есть, любит жизнь во всех ее проявлениях и может себе многое позволить. Что его не компрометирует. Говорит не о слабости натуры, а, наоборот, о широте, близости к людям...

– Ну, извини, – развел я руками. – Не по чину взял. Учту на будущее.

Отец иногда кажется глубоким стариком, хотя ему чуть за шестьдесят. Иные же его ровесники, несмотря на голые черепа и непрерывно урчащие животы, бегают по массажным салонам, фитнес-клубам, женятся на молоденьких, заводят себе детишек и вообще ведут себя так, будто собрались жить вечно.

Отец, наоборот, предпочитает несуетливую обстоятельность, ему по душе роль умудренного старца, у которого все позади, а нынешняя жизнь для него что-то вроде мыльной оперы, которую он поглядывает без всякого интереса. При этом никакой дряхлости и болезненной жалкости в нем нет. Воспоминаниями о бурных днях боевой молодости в стране победившего социализма он окружающих не мучает. У него худое моложавое лицо, короткая французская стрижка. Время от времени он отпускает пижонскую трехдневную щетину, которая ему очень идет. Иногда, когда его что-то забирает всерьез, он буквально преображается и превращается в энергичного, жесткого мужика, который кого надо возьмет за глотку, а кого надо – и за круглую попку. И тогда становится понятно, почему он сделал такую карьеру в прокуратуре и был в свое время одним из самых молодых заместителей Генерального прокурора.

Его блестящая карьера оборвалась ровно в шестьдесят лет. Отец легко мог стать сенатором, депутатом, советником в крупной компании, но почему-то предпочел стать свободным от всяких обязательств пенсионером.

В нашей семье до этого все было благополучно и безоблачно, но пришел некий срок, и семья ни с того ни сего слиняла. Слиняла не в три дня, как Русь в семнадцатом году, процесс

⁵ В Древнем Риме частнопроводная власть отца семейства. В принципе эта власть была неограниченной, но фактически ограничивалась религией и общественным мнением.

длился несколько дольше, но от нее тоже осталось лишь нечто, что ничуть не напоминало столь недавнее славное прошлое...

Позвонила мать и попросила срочно заехать. Обязательно. Со своей первой женой и двухлетним сыном я давно уже жил на противоположных концах Москвы, и виделись мы, надо признаться, все реже и реже. Да и работа в прокуратуре занимала все время.

Заехал днем, отца дома не было.

– Что-то случилось? – спросил я еще в дверях.

– Может, ты зайдешь? – насмешливо сказала мать.

Мы устроились на кухне. Мать не выглядела взволнованной, разве что чуть напряженной.

– Я уезжаю, сын, – сказала она.

– Куда?

– В Братиславу.

– Опять?

В Братиславе уже несколько лет жила ее подруга с мужем, они преподавали в местном университете, и мать по нескольку раз в год ездила к ним в гости. Последний раз пару месяцев назад.

– Надолго? – просто так поинтересовался я.

– Пока на год, – сказала мать.

– Не понял...

– Подписала контракт с университетом – буду преподавать историю искусств. Пока на год, – легко, как о чем-то неважном и давно известном, поведала она. – А если все пойдет нормально, то с продлением еще на три года.

Мы помолчали. Я осмысливал услышанное, она не мешала мне предаваться мыслительным процессам.

– И как прикажешь мне это понимать?

Она улыбнулась.

– Просто принять к сведению. Согласись, от моего отъезда в твоей жизни теперь мало что изменится. Практически ничего.

Что я мог ей возразить?

– Насколько я знаю, у тебя есть муж. А еще у тебя есть внук.

– Да-да, муж и внук, – рассеянно повторила она.

– А отец? Он уже знает?

– Теперь уже знает, – все так же рассеянно сказала она.

Я подумал, а потом с трудом выдавил из себя:

– У тебя кто-то появился?

Господи, мог ли я когда-нибудь представить, что спрошу об этом свою мать!

– Да нет, дело совсем не в этом, – засмеялась она. – Не придумывай шекспировских страстей, мой милый Гамлет! Просто мы с твоим отцом давно уже живем как-то врозь... Ну, теперь будем жить врозь в разных странах. Только и всего.

Станный это был разговор. Мы что-то спрашивали, что-то отвечали, но каждый из нас думал о своем. Не знаю, о чем думала мать, а я думал, что ничего не знаю о самых близких и родных мне людях. Что их соединило, что разъединяет сейчас, когда прожито вместе столько лет? Мрак. Я опять был мальчиком с детской книгой на веранде, не понимающим, что делают в соседней комнате взрослые дяди и тети.

Вечером я позвонил отцу, и он нарочито будничным голосом поведал мне, что ничего страшного не случилось, мама просто хочет сменить обстановку, а еще ей давно хочется преподавать, заниматься со студентами, и вообще Братислава рядом, а год – это не срок. Еще он зачем-то сообщил мне, что у него там в посольстве есть хороший приятель, очень

приличный человек Александр Николаевич, и мать будет под его присмотром. Я слушал и согласно кивал. А что было говорить? У него были свои теории на предмет отношений в семье, а также между мужчиной и женщиной вообще. Он, например, считал, вслед за забытым советским поэтом, что о верности в любви говорят, когда нет уверенности, что любовь еще существует. Да и вообще, верность слишком высокое чувство, не каждое сердце трогает. А отношения мужа с женой, по его мнению, должны напоминать лук с крепкой тетивой. Сколько ее ни растягивай, она все равно ему послушна. Как она его при этом ни сгибает, все равно не ломает. Вот такие красивые сравнения. Людям моего поколения уже недоступные.

Мать уехала, а через месяц отец ушел в отставку. Чего я только не наслушался от прокурорских знакомых о ее причинах! Говорили, что он насмерть рассорился с Генеральным, который хотел подставить его в одной шумной истории. Говорили наоборот, что он в какой-то истории всячески уклонялся от ответственности, чем довел Генерального до бешенства и потому тот не стал ставить в Совете Федерации вопрос о продлении ему срока государственной службы. Еще говорили, что у него обнаружилась смертельная болезнь, что он хочет заняться только писанием криминальных романов и исторических книг, чем он, правда говоря, и без того всегда занимался. Ну и, разумеется, говорили, что случайно вскрылись доказательства его сомнительных поступков, после чего у него не оставалось выбора. Большинство все же было склонно думать, что он просто хочет пожить для себя, ибо устал от всеобщего бардака и все ему смертельно надоело...

Самое забавное, что я знал не больше других.

Своим обычным, нарочито будничным тоном он сообщил мне, что подал заявление по собственному желанию в связи с достижением пенсионного возраста. Почему сейчас? Да просто пришла пора, а еще очень хочется, не торопясь, с чувством и толком, написать несколько книг, материалы к которым он собирал всю жизнь. Кстати, вообще будет лучше, если я не стану думать об этом.

Совет был хоть куда!

Какая-то история за его отставкой, видимо, скрывалась. Но меня, хорошо это помню, тогда больше всего интересовал вопрос: связана ли его отставка с отъездом матери? Но спрашивать его об этом я не стал, потому что хорошо представлял себе, что услышу в ответ. Ничего. Тут была тайна, которую мне не суждено было знать. Да и зачем это мальчику с книжкой, спрятавшемся на веранде?

Как-то неожиданно и стремительно у отца развилась болезнь суставов правой ноги, ему стало трудно ходить. Все чаще он стал прибегать к помощи палки. На самом деле это была шикарная трость с серебряным набалдашником, он зачем-то уже давно купил ее в антикварном магазине. Врачи предлагали операции, тяжелые тренировки, но отец отказался. Сказал: зачем мучить себя и других? Главное, до сортира при нужде добраться, а большего пока и не надо.

Он ушел на пенсию и все больше времени проводил дома. Стало заметно, что ему уже скучно в спорах и разговорах стоять на своем, убеждать в своей правоте. Он не то чтобы соглашался теперь с чужими доводами и утверждениями, а как-то легко уходил от острого разговора, приятно улыбнувшись или пожав плечами. По-моему, не потому, что не верил в свою правоту. Он просто перестал возлагать надежды на людей. Он как будто теперь знал что-то недоступное их пониманию.

Теперь он пишет книги – историю прокуратуры, описывает жизнь и деяния российских прокуроров, разные интересные дела из прошлого. Когда я работал в газете, мы вдвоем вели рубрику, в которой рассказывали криминальные истории советских времен. Отец давал сюжеты, а я придавал им литературную форму. Руководство газеты ценило их, прежде всего потому, что там вроде бы разоблачалось советское карательное и телефонное право. Хотя на самом-то деле и тогда все было гораздо сложнее, и многое проистекало из обычных челове-

ческих страстей, слабостей и заблуждений. Но начальство находило в наших писаниях то, что хотело, а я не видел нужды его в чем-то переубеждать. Наверное, научился этому от отца. А может, у меня это врожденное.

Когда мать уехала, возник еще один момент. Кто-то должен был ухаживать за отцом, практически не выбиравшимся из квартиры. К счастью, нашлась женщина, взявшаяся за домашние дела. Но потом она почему-то решила, что может стать в доме хозяйкой в полном смысле слова. Пришлось с ней расстаться и искать новую помощницу. А потом еще одну. К тому же меня не оставляла мысль, что, несмотря на больную ногу, у отца должны быть естественные мужские желания. Однажды, а я был сильно на взводе, причем уже не первый день, и потому сказал ему, что, может, нужна женщина, которая будет помогать по дому, и вообще...

– Сынок, ты предлагаешь мне женщину? – уточнил отец. – Спасибо, но как человек старомодный я в этих вопросах предпочитаю самостоятельность. Ты уж извини.

– Да нет, я просто подумал...

– Не бери в голову, этой проблемы нет. Вера, как ты выражаешься, и помогает, и вообще...

Ах, вот оно что, подумал я, надо было догадаться. Вера была его лечащим врачом в былые начальственные времена. А еще она была безнадежно влюблена в отца, что не помешало ей выйти замуж и завести детей. Но муж, забитый нуждой преподаватель пединститута, никак не мог соотноситься с победоносным генералом Ледниковым, в кабинете которого хранились три мундира, один из них парадный – по-адмиральски белоснежный с золотыми погонами, серая шинель с каракулевым воротником и фуражка с кокардой. Муж не мог мешать, он просто был статистом, да еще и не из этой оперы.

– Еще об одном хочу предупредить сразу, – вдруг вернувшимся начальственным тоном проинформировал отец. – Вера ни на что не претендует и не будет претендовать впредь. Ее семьи это не касается и не коснется.

Возразить было нечего. Вера была лучшим вариантом, если не спасением. Тихая, незаметная, но ничего не забывающая, все умеющая. Она была только на два года старше меня, и однажды, дожидаясь отца в поликлинике, я вдруг разглядел, что с годами она превратилась из худосочной провинциальной девицы в весьма элегантную, знающую себе цену женщину. Как Хиллари Клинтон, время облагородило ее и придало значительности. Кстати, о ее влюбленности в отца знала даже мать, но не придавала этому никакого значения.

А вскоре наше семейство понесло еще одну тяжелую утрату. Однажды вечером моя жена сообщила мне, что мы давно уже чужие люди, что я совершенно равнодушен к ней и что это одиночество вдвоем ей просто надоело. Оказалось, мне просто нечего было возразить ей. Она была права, как никогда. Я даже не стал говорить, что ради сына мы должны попробовать справиться с временными трудностями. Потому что трудности эти были навсегда.

– Эту квартиру ты должен оставить мне и сыну, а сам поживешь у отца, там теперь просторно, – съязвила жена, намекая на отъезд матери.

Когда отец узнал, что я пришел к нему навеки поселиться, он даже не стал шутить по этому поводу. Спустя какое-то время риелторы нашли нам вариант в соседних домах – отцу трехкомнатная квартира, мне хорошая однокомнатная. Все правильно – у матери должна быть своя комната, когда она ненадолго появляется в Москве. В Братиславе у нее к тому времени уже был свой дом, небольшой, но очень уютный, как она говорила.

Отец промолчал и тогда, когда я следом за ним уволился из прокуратуры. Видимо, ему уже было понятно то, что открылось мне только со временем.

Увы, в отличие от платоновского героя, который не был наделен особой чувствительностью и на гробе своей жены вареную колбасу резал, я этой самой чувствительностью был наделен с избытком, в совершенно ненужных для жизни и работы в прокуратуре размерах.

Ибо я все время ставил себя то на место жертв, то на место преступников, непрерывно входил в их положение и переживания. Размеренной работе следователя прокуратуры такие упражнения не способствуют. Ведь я не старался в интересах следствия понять образ их мыслей и способ действий, а просто переживал их страхи и ужасы, отчаяние и тоску.

Моим первым делом стало расследование пропажи десятилетнего мальчика Вити Милешина. Случилось это за три года до моего выхода на работу. Родители мальчика обратились в милицию с заявлением о пропаже ребенка. Милешины – родной отец Павел и мачеха Нина – утверждали, что мальчик, видимо, сбежал из дома, взяв с собой все бывшие дома деньги. Нина Милешина даже подсказала, где искать мальчика – в Иркутске, где когда-то жила его родная мать, умершая через несколько лет после его рождения, и где вроде бы остались какие-то ее родственники. Еще Милешины говорили, что у мальчика неустойчивая психика, он и раньше надолго уходил из дома, но обычно скоро возвращался.

В лихорадочной суете того времени, когда милиция в основном думала о том, как прокормиться, а лучшие люди уходили и оттуда, и из прокуратуры, оскорбленные разгулом безнаказанности и невозможности жить по-человечески, когда улицы заполнили голодные стайки пацанов, готовых на что угодно за бабки на еду и выпивку, усердствовать в расследовании никто не собирался. Следователь, выполнив все необходимые первоначальные следственные действия, тут же по надуманным мотивам приостановил расследование. А сам через месяц уволился, потому что нашел более подходящее для эпохи первоначального накопления капитала занятие.

Но через три года городская прокуратура опомнилась и отменила постановление о приостановлении следствия, потому что в деле были обстоятельства, свидетельствующие, что не все в нем так просто. Семья Милешиных вела весьма разгульную жизнь, мальчик им мешал, поэтому его довольно часто били. Вот тут и подвернулся начинающий работник прокуратуры Валентин Ледников.

Дело, как негромкое, поручили мне. Вместе со мной им занимался молодой опер Сережа Прядко. В отличие от меня, у него шкура равнодушия, необходимая для работы в органах, была от рождения. Как у ерша. Он и внешне был, как колючий ершик – маленький, жилистый, с детским светлым чубчиком, все время куда-то мчался, ругался, всегда был готов с кем-нибудь сцепиться, а потом тут же выкинуть все произошедшее из головы. Все убийства, трупы, зверства, с которыми он сталкивался, Сережа воспринимал, как кино. Такой занятный фильмец из нашей жизни. И потому трупы и страдания были для него как бы ненастоящие, невсамделишные. Так что слезы лить, переживать было нечего. А уж ставить себя на место трупа тем более. Было понятно, что Сережа далеко пойдет в своем деле.

Совершенно ясно, что начинать надо было с семейки Милешиных. Сережа прочесал всех их родных и знакомых – занятие не для слабонервных! – и в конце концов вышел на проводницу поездов дальнего следования Надежду Рачкову. Не знаю, как уж он ее раскручивал, с поллитрой или без, но примчался он ко мне с сияющими глазами, страшно довольный собой.

– Валек, я же почему на нее наел? Думал, может, пацан с ней на поезде куда-то уехал? Ну, типа пожалела она его, взяла с собой, чтобы родители не били. А она вдруг говорит: «Он просился, чтобы я его взяла покататься, но Нинка вдруг уперлась. Пусть дома остается, он тут нужен. А для чего он им нужен? Бить всем, что под руку подвернется? Они его давно в интернат хотели сдать, а потом Нинка узнала, что за ним тогда все равно сохраняется право на жилплощадь, да еще алименты придется платить на содержание, ну и передумали... Это Нинка все крутила, она же злая, как собака, ей и повода не надо, чтобы на людей бросаться, а тут жилплощадь какому-то сопляку отдать!» Нет, ты понял?

– Понять-то я понял, – сказал я, несколько ошеломленный открытиями Прядко. Мне уже, разумеется, всю мерещился мальчик, живущий в атмосфере ненависти и пьяного

скотства, чувствующий себя обреченным и ничего не способный этой обреченности противопоставить...

Но все же я сумел сформулировать главный вопрос:

– Если эти скоты что-то с ним сделали, то где тело? Где нам теперь его искать? Ведь что-то должно было от него остаться? А без тела сам знаешь...

Сережа как-то сразу погрузнел:

– В том-то и дело. Эта тварь, Нинка Милешина, сама Рачковой по пьяни сказала, что, мол, фиг ему, волчонку неблагодарному, жилплощадь! Мне, говорит, его проще убить и в топке сжечь.

– В топке? – Я изумленно уставился на него.

– Ну да – в топке. – Пряdko удивить такой ерундой было невозможно. – У нее какой-то собутыльник в котельной тогда работал.

Больше нам Рачкова ничего не сказала. И свидетельницей тоже быть не захотела. Похоже, главным ее желанием было забыть то время – она бросила пить, у нее теперь был муж, вполне нормальный мужик, и она мечтала о ребенке. А мести Милешиных боялась до дрожи и потери речи. Что ж, она знала их лучше нас. И слова Сережи Пряdko, что он не даст им и пальцем дотронуться до нее, никак на нее не действовали. Единственное, что удалось Сереже, вытянуть у нее фамилию истопника – Марат Абдулин.

– Ладно, – подвел итог Сережа, – и то хлеб. Я этого Абдулла за пару дней вычислю, а ты попробуй Милешиных поколоть – мол, есть такие-то сведения.

Работу он мне подкинул ту еще.

Нина Милешина, злая как черт на весь белый свет молодая еще баба, явно спивающаяся, смотрела на меня белыми от бешенства глазами и орала, что на нее наговаривают и она знает кто. «Сука завидующая, – шипела она. – Сжить меня со света хочет, но это мы еще посмотрим!»

Павел Милешин, высохший от водки, когда-то красивый, видимо, мужик с седыми уже волосами, лишь сумрачно и глухо молчал. Иногда только монотонно говорил, глядя в сторону: «Раз трупа нет, то и убийства нет. А трупа нет». Кто-то его этому, судя по всему, научил, слова были явно чужие. Я смотрел на него и тупо думал о том, что должно произойти с человеком, чтобы он превратился вот в такое существо? Может, это было у него на роду написано?

А потом позвонил Сережа: «Он у меня, приезжай».

Абдулин, черноволосый жилистый мужичок в турецком спортивном костюме, безмятежно улыбался и не думал ничего скрывать. Да, он работал тогда истопником в психиатрической больнице. Однажды пришел Паша, друг детства, с женой Нинкой и сыном. Они с Пашей и Нинкой выпили большую бутылку водки, мальчик сидел в углу, молчал, смотрел на огонь, бьющийся за дверцей топки.

Потом Нинка встала, походила по котельной, нашла кусок мягкой проволоки, ничего не говоря, подошла к мальчику сзади, накинула проволоку на шею и стала душить. Мальчик захрипел, стал вырываться изо всех сил, может, и вырвался бы, но тут Нинка крикнула: «Помогите, гады!» Они с Пашей схватили мальчика за руки и за ноги, а Нинка тянула проволоку. Когда мальчик затих, Нинка сказала: «Давай топку открывай!» Он открыл топку, и они с Пашей затолкали туда маленькое тело. А Нинка бросила туда и куртку, которую мальчик снял...

Потом выпили еще бутылку, но уже обычную. Когда уходили, Нинка сказала: «Ты, Абдулка, помалкивай, потому что ты нам помогал!» А его никто ни о чем и не спрашивал.

Жилистый черноволосый человек смотрел на меня ясными глазами. Потом вдруг стал объяснять:

– Начальник, ты пойми, это же Пашки сын был. Родной. Был бы чужой ребенок, я бы им не помогал. А тут собственный сын, родной, чего мне лезть? Раз он решил, что так надо, я тут при чем? Имеет право.

Он все время напирал на то, что мальчик был родной сын Милешина. Почему-то был уверен, что это все объясняет и оправдывает.

Нам оставалось только провести экспертизу. Она установила, что «труп мальчика-подростка массой 30–35 кг в топке котла «Универсал-6» размером в 44 условных квадратных метра при использовании в качестве топлива каменного угля может быть кремирован в промежутке 45–60 минут. При дальнейшей эксплуатации печи полностью сгорели не только органические соединения, но и минеральные остатки».

Эти «минеральные остатки» я до сих пор помню. От Вити Милешина не осталось ничего, в прямом смысле ничего. Только смутные воспоминания соседей, учителей.

Милешин упирался недолго. Увидев Абдулина, сразу признался. Все так же тупо, равнодушно.

Мне говорили, что таким он стал, связавшись с Нинкой после смерти жены. До этого вроде нормальный мужик был. А Нинка ни в чем так и не созналась.

Потом еще была проблема с направлением дела в суд. Заниматься «убийством без трупа» никто не хотел. Мне пришлось даже попросить отца о содействии. На суде Милешин все время молчал, Абдулин твердил про то, что это был родной Пашин сын, а Нинка шипела, что все вранье и ее оговорили.

Все-таки их посадили надолго. В прокуратуре меня поздравляли – без трупа подобные дела редко имеют судебную перспективу. А у меня в голове так и застряла строчка из акта экспертизы – «сгорели даже минеральные остатки». Какой-то мистический ужас и непоправимое отчаяние мерещились мне в них.

В общем, с такой психикой в прокуратуре мне делать было нечего. Отец это понял гораздо раньше меня.

Глава 6

Аффидевит

6

– Слушай старшего и не перебивай. – Отец поднял палец и строго ткнул им в мою сторону.

Предупреждение было излишним. Такого перебежешь. Сегодня он, судя по всему, был в приподнятом настроении, а в таком состоянии он никому спуска не даст. Надо сказать, он не слишком одобрял мой нынешний способ зарабатывать на жизнь. Бегемота, конечно, лично не знал, но, судя по всему, прекрасно представлял себе публику, с которой мне придется иметь дела. Можно подумать, работая следователем в прокуратуре или обозревателем в газете, я имел дело с иной публикой. Она, эта самая публика, теперь везде одна, другой в наших благословенных краях не водится.

– Итак, сначала общие впечатления. Текст, безусловно, заказной, но весьма качественный. Этот автор, А. Степаниди, способный человек. Там есть нерв, есть язык, есть серьезная тема...

– Он такой же Степаниди, как мы с тобой Тумбрукакисы, – не удержался и перебил его я. – И что же это за тема? Есть ли жизнь на Марсе?

– Тебе же сказали – не перебивай, – строго сказал отец и посмотрел на меня взглядом, от которого наверняка когда-то ежились и теряли гонор его подчиненные. – Что за тема? А вот я сейчас тебе зачитаю. «За годы наших «реформ» в стране сложился своеобразный чиновно-хозяйствующий слой людей, не способных на созидание, но способных пожертвовать, чем угодно. Страна для них ширма и одновременно полигон для удовлетворения собственных амбиций. Им ничего не жалко, потому что они и свидетели, и активные участники колоссальных жертв и глобальных разрушений. При них рушились страна и государство, они приносили в жертву науку и образование, их решениями обрекались на распад армия, целые отрасли промышленности, наука, образование, здравоохранение. Гигантские предприятия, институты, центры, созданные чудовищным напряжением сил и воли целых поколений наших предшественников, ценой немыслимых жертв, для них были только ненужным хламом, от которого надо избавиться. Они «реформировали», то есть разрушали. Они приватизировали, то есть раздавали за бесценок общенародное добро не самым достойным... Поэтому им уже нельзя отступать. Они должны быть победителями, ибо победителей не судят. Вот почему жертвы их не пугают. Ничего другого они уже не умеют».

Отец сделал паузу и вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– А по-моему, неплохо, – с некоторым даже вызовом сказал он.

С некоторых пор у него сложилось впечатление, что я стал слишком циничным и равнодушным.

– Ну, это смотря на чей вкус, – миролюбиво сказал я. – На мой – слишком высокопарно.

– Просто вы уже отвыкли от честных слов.

– Может быть. Только ты не забывай, что текст, как ты сам выразился, безусловно, заказной. Так что давай не будем преувеличивать высоту чувств и чистоту мыслей господина, скрывающегося под громким именем А. Степаниди.

– Мысли, надо заметить, совершенно не в духе самой газеты. Общее направление там совсем другое. Я бы даже сказал – противоположное, – заметил отец.

⁶ В некоторых странах письменное показание или заявление, даваемое под присягой при невозможности личной явки свидетеля.

- Что наводит на вполне определенные размышления.
- Какие же?
- Видимо, сумма была такова, что даже общее направление не помешало.
- Или?
- Никаких «или». Что, я не знаю, какие у них там нравы, в этом самом «Эхе»?
- Интересно.
- Нравы весьма простые. Писать только то, что нужно начальству. А нынешнее начальство там считает, что все должно быть по-западному – нужно соблюдать очень простую и четкую технологию написания заметок. И никакой отсебятины.
- А что считается отсебятиной?
- Собственные мысли, чувства и соображения. Они не просто никому не нужны, они – преступны. Первый раз за них наказывают, второй – выгоняют с работы. Пишущие люди для нынешнего начальства – полное дерьмо. Так, инструмент.
- И журналисты это терпят?
- Абсолютное большинство. Причем с большой охотой. Потому как им платят приличные деньги. Тех, кто не согласен, выкидывают. И берут неиспорченных мальчиков и девочек, и портят почем зря всех подряд – учат технологии, то есть вдабливают, что писать можно, а что нельзя.
- С некоторым недоверием я вспомнил свое прошлое в «Эхе» – неужели это действительно было? Причем достаточно долго?
- Ребятам объясняют сумму приемов и требуют их неукоснительного исполнения. Например, в материале обязательно должны присутствовать мнения экспертов. Список экспертов прилагается. В материале не должно быть противоположных мнений – чтобы не перегружать заметку и не путать читателя. Не утомлять его. Любой материал должен заканчиваться четким предсказанием: завтра будет то-то. Никаких мук творчества, сомнений и тягостных раздумий.
- А как же свобода слова?
- Видимо, это она и есть, просто раньше мы этого не знали. Ладно, черт с ней, с нынешней журналистикой, давай вернемся к товарищу Степаниди. Думается, произнеся проклятия всему менеджерскому сословию, он наехал на кого-то персонально. Так что же это за исчадие ада? Кто сей разрушитель и погубитель любезного отечества?
- Есть такая простая фамилия Бучма. К тому же еще и Леонид Ильич. И ты его знаешь...
- По какому же делу он проходил?
- Коробка из-под ксерокса, – сказал отец. – Та самая.
- Погоди-погоди, он что же – нес доллары или выдавал?
- Отпускал на вес, – засмеялся отец.
- Да-да... Был там такой... На подхвате. Чего ж ему неймется, голубю?
- В общем, если верить Степаниди, история такая. Есть крайне солидная и практически безразмерная корпорация, в которой солидная часть акций принадлежит государству. Громадный холдинг со своим банком в придачу. А внутри малоизвестное широкой публике, но очень хорошо знакомое пиндосам...
- Кому-кому? – опешил я.
- Смотрю, ты отстал от жизни, – хмыкнул отец. – На форумах в Интернете американцы теперь проходят не как америкосы, а как пиндосы. А Америка, соответственно, как Пиндостан.
- Виноват, исправлюсь, – по-солдатски отрапортовал я.
- Так вот внутри корпорации есть предприятие «Крокет», которое производит компоненты для ракетных двигателей. Компоненты, без которых ракеты не летают. Этот самый

«Крокет» в своем деле фактически монополист. Больше того – мировой монополист. Для всей корпорции он – золотая курица, дойная корова и краеугольный камень, вместе взятые. Вообще, насколько я могу судить, корпорация на самом-то деле такая большая оболочка, скорлупа для «Крокета». Государство вроде бы следит за ним в оба глаза...

– Почему вроде бы?

– А потому, что в последнее время, как утверждает наш товарищ Степаниди, там происходят какие-то странные вещи. Вдруг становится известно о тайной сделке между государственным по сути предприятием «Крокет» и малоизвестной зарубежной компанией о совместной деятельности. В этой сделке поражало все. Необъяснимая таинственность. Суммы – сотни миллионов долларов. Намерение создать еще две совместные акционерные компании, одна из которых будет офшорной. Горячая готовность предоставить этим компаниям немыслимые льготы и преференции, которые в мировой практике не известны. А еще согласие на то, чтобы деятельность этих предприятий, имеющая стратегическое значение для государства, регулировалась законодательством другой страны...

– Видать, поразил руководство «Крокета» неведомый вирус. И, пораженные им, они пошли торговать интересами нашей необъятной родины.

– Черт его знает, что их там поразило, но по прошествии какого-то времени сведения о парафировании соглашения опровергли. «Крокет» не заключал подобного рода соглашений» – так говорилось в официальном сообщении пресс-службы компании. Было также заявлено, что компания рассматривает возможность «принятия необходимых мер, направленных на защиту ее деловой репутации». Но было уже поздно. Существование соглашений подтвердил президент «Крокета»...

– Уж не Бучма ли его фамилия? – осведомился я.

– Правильно мыслишь, сынок, – похвалил меня отец. – Этот Степаниди цитирует служебные документы, подтверждающие не только существование соглашений, но и борьбу вокруг этих документов внутри компании. Ему даже известно о работе специальной комиссии, разбиравшейся в сложившейся ситуации. Хотя это все было отражено только в документах для внутреннего пользования. Откуда-то Степаниди, или как его там на самом деле, их раздобыл.

– И чем это кончилось для нашего друга Бучмы?

– В том-то и дело, что ничем. Весь шум и трамтарарам сошел на нет. Все как-то размылось, расплылось, забылось. Наш друг остался на своем месте. Никаких санкций сверху. Тишь и гладь, и божья благодать.

– То есть государство российское попросту умылось?

– Как всегда.

– И было это?

– Где-то полгода назад.

– А теперь вот наш друг Степаниди решил напомнить публике об этой истории. С какой стати?

– Я так думаю, по чьей-то убедительной просьбе.

– И кто же сей смиренный проситель?

– Судя по тому, что в материале цитируются и упоминаются закрытые документы для служебного пользования, кто-то из самого «Крокета». Или из правительственных кругов, курирующих компанию. Кто-то решил все-таки наказать Бучму за то, что было. Или свалить с должности...

– И он хочет узнать, кто именно, чтобы свалить его самого, – заключил я. – Все более или менее понятно.

– Во как! Какие мы быстрые – хмыкнул отец. – А не хотите ли еще версию, молодой человек?

- Ну, если это не секрет.
- Понимаешь, тогда все шло к дикому международному скандалу. Америкосы должны были встать на дыбы. Потому что компания, с которой заключалась сделка, из...
- Иран? Северная Корея?
- Сирия.
- Тоже неплохо по сегодняшним раскладам.
- Ты вспомни, они и по меньшим поводам впадали в истерики и вводили санкции против наших предприятий. А тут можно было нанести удар по репутации России в целом – ведь в подписании международных соглашений «Крокета» принимает участие правительство на уровне министров и вице-премьеров. То есть никто бы не поверил, что сенсационная сделка не одобрена на самом верху. Отмыться было невозможно. Тут бы прилепили и терроризм, и сталинизм, и какие-нибудь секретные данные ЦРУ...
- Но ничего такого я не помню. Хотя газеты вроде бы и просматриваю.
- И я ничего не нашел!
- То есть...
- То есть янки, как говаривали в советские времена, не захотели раздувать скандал.
- Почему?
- Что тебе еще рассказать, сынок? Есть ли жизнь на Марсе? – проворчал отец. – По моему, я наговорил достаточно. Надо же тебе еще что-то оставить для собственных размышлений.
- Ну, тут размышлять особо нечего. Или америкосы, прошу прощения, пиндосы, не поверили в достоверность сделки, или знали о ней что-то, чего мы не знаем.
- Или они просто контролировали ее, – сказал отец. – С самого начала. И снисходительно посмотрел на меня. Я покаянно развел руками.
- Тут отец взглянул на часы и объявил, что пора смотреть новости.
- Опять на Майдан собрался, – хмыкнул я. – Небось с утра ни одной программы не пропустил! Боишься, что оранжевая революция пройдет без тебя?
- Странно, но он даже смутился на мгновение. Видимо, киевские дела действительно достают его по-настоящему.
- Это же моя родина, сынок. Родина, которую я вряд ли уже увижу. Кстати, до революции Майдан назывался Думской площадью...
- И вдруг он продекламировал:

Мой прадед из донских казаков.
Мой дед в НКВД служил
И, как герой, на Думской площади
Фашистами расстрелян был!

- Ничего себе! – оторопел я. – И чьи же это вирши?
- Чьи... – туманно произнес отец.
- Погоди-погоди, – не поверил я своей догадке. – Неужели твои?
- Представь себе. – Он все-таки немного смутился. – Вдруг вспомнил сегодня. Мне тогда было лет тринадцать, седьмой класс киевской школы... Я был настоящим советским мальчиком, хорошим и очень правильным. Вдруг захотелось написать свою «Родословную». Окна нашей квартиры выходили как раз на Думскую площадь. Часто, стоя у окна, я пытался представить себе, как это все было. «Родословную» писал, а о том, что четверо братьев моей бабки служили у белых и погибли в Гражданскую войну, не знал.
- А как этот самый дед, который в НКВД служил, к немцам-то попал? Чего он в оккупации-то оказался?

– Выполнял задание партии – организовывал в занятом врагом Киеве партизанское подполье, а кто-то его немцам и сдал. Мама мне говорила, что это был какой-то дворник. Вот как раз там, где сейчас оранжевые митингуют, его и расстреляли.

– А теперь там другая страна, – сказал я.

– Другая, – легко согласился отец. Было видно, что говорить ему об этом не хочется, даже со мной. Поэтому я взял газету, которую всучил мне Бегемот, и отправился на кухню, чтобы прочитать, наконец, опус, о котором столь много интересного поведал мне отец.

Попивая холодный зеленый чай, я ознакомился с текстом уже по-настоящему – прочитал от начала и до конца. Собственно, можно было уже и не читать, настолько грамотно и ясно разложил все отец, но я прочитал, чтобы удостовериться в одной догадке, которая мелькнула у меня, когда отец стал расхваливать автора материала. И удостоверился. Автором, без всякого сомнения, был мой давний университетский друг и бывший начальник времен журналистской деятельности Женька Веригин. Отец, конечно, этого вычислить не мог.

Когда я уходил, на огромном экране телевизора в который раз показывали киевский Майдан и Крещатик, запруженные толпами возбужденных людей с оранжевыми флагами, повязками, ленточками.

Глава 7

Агентский договор

7

– Прямо с поезда двигаем на Майдан! Нам надо засветить наш флаг, тогда это будет акция!

- Главное, попасть в телекамеры, иначе никакой акции не будет.
- Ребята, так у нас флаг – синий! Подумают, что мы за Януковича!
- Надо привязать к нему что-нибудь оранжевое!
- А что у нас есть?

Мои соседи по купе, судя по всему, члены какой-то молодежной анархистской организации, вырабатывали диспозицию своих действий в революционном Киеве. Две некрасивые, неряшливые, но страшно озабоченные своей героической миссией девочки в оранжевых колготках и худющий парнишка с нечистой кожей, тревожными глазами и болезненно длинными, беспокойными пальцами ехали вдохнуть «воздух свободы» и продемонстрировать киевским борцам с тоталитаризмом, что лучшие люди России с ними и скоро на Красной площади тоже появятся революционные палатки.

Ребята были хорошие, но какие-то уж слишком неухоженные. Печать прошлых жизненных неудач и страданий лежала на них. Судя по всему, они не прочь были завязать какой-нибудь революционный диспут с представителем старшего поколения, отставшего от жизни и обуржуазившегося до безобразия, каковым им представился я, но мне было не до них.

С утра я приступил к розыскам Веригина и быстро установил, что он уже несколько дней пребывает в Киеве, шлет оттуда боевые репортажи с фронтов «помаранчевой» революции, и неизвестно, сколько еще он там пробудет. Конечно, можно было позвонить ему и задать пару нужных вопросов, но у меня не было никакой уверенности, что Веригин так прямо на них и ответит. Да, мы давно знаем друг друга, но если за его материалом о «Крокетте» есть что-то серьезное, откровенничать по телефону он не станет. А там что-то явно было. К тому же Веригин знал, чем я занимаюсь в конторе Бегемота. А еще как опытный журналист он знал, чем вообще занимаются подобные конторы. Что поделаешь, мы живем во времена коммерческих тайн и свирепой борьбы за выживание, поэтому рассчитывать, что даже друзья по первой же твоей просьбе введут тебя в курс своих деловых операций и интересов, давно уже не приходится.

Поэтому я позвонил Бегемоту и сказал, что надо дожидаться возвращения нужного человека из Киева. Фамилию Веригина я, естественно, не назвал. Бегемот зафыркал, закудал в трубку и объявил, что дело не терпит отлагательства. Мы с ним немного поторговались, и через два часа его водитель доставил мне билет на вечерний киевский поезд.

И вот теперь, лежа на нижней полке, под нервный революционный вздор, который несли юные анархисты, я составлял собственную диспозицию предстоящей киевской операции.

С Женькой Веригиным мы дружили с университетских времен. Он учился на филологическом факультете и жил в общежитии. Про девичий заповедник филфака и непринужденные нравы общежития среди ребят-москвичей ходили легенды. Веригин с его внешностью и повадками избалованного вниманием, обаятельного и очень способного лентяя вроде бы должен был превратиться в этой атмосфере в безнадёжного распутника. Но оказалось,

⁷ Договор, по которому одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) действия от своего имени, но за счет принципала, либо от имени и за счет принципала.

что половые излишества и неряшливость в этом вопросе его не привлекают. В Женьке была некая несовременная природная чистоплотность. Не привлекали его и лавры филологического гения, учился он ровно так, чтобы не быть отчисленным за неуспеваемость.

После университета он решил заняться журналистикой. Я следил за его успехами, они были, но не чрезмерными. Его имя не стало знаменитым, хотя его материалы были умны и глубоки.

– Да какой я журналист, – смеясь, признался он мне как-то. – Настоящему журналисту пришла в голову одна мыслишка, он тут же навалял заметку, где подогнал под нее пару фактов. И хорошо, если ему самому что-то в голову пришло, а то ведь обычно – подсказали. Или он сам, зная начальственные флюиды, угадал. А когда угадал, вычислил, тогда уж никаких сомнений. Вот тогда, мой мальчик, ты журналист! А я заметку в сто строк пишу и все время сомневаюсь: а вдруг все не так или не совсем так? Журналисту нынче так мыслить не пристало.

А потом Женька и вовсе превратился в журналиста непишущего, целиком переключившись на сугубо редакционную работу. Однажды, когда я спросил его, какого черта он только правит других, придумывает им темы, подсказывает повороты, Женька сказал:

– Писать самому в наше время стыдно. Все уже сказано, все понятно, но ничего нельзя изменить. Знаешь, я теперь смотрю на газетную полосу не как читатель, а как оформитель. Гармония пятен, шрифтов, больших и малых массивов букв... Вот истинная красота! И никакого смысла я там не ищу. Потому что его просто не может быть.

Когда я ушел из прокуратуры, именно он предложил мне переквалифицироваться в журналисты. Я сомневался, хотя большого выбора у меня не было, но Женька убедил меня. Именно он нашел мне и тему – темные и неведомые доселе страницы советских правоохранительных органов. Благодаря отцу недостатка в сюжетах у меня не было. Правда, иногда мне приходилось иметь дело и с современной тематикой, но тогда я использовал псевдоним.

Когда после очередной смены хозяев я решил уйти из «Эха», Женька не стал меня удерживать, но и не ушел вместе со мной.

– Везде одно и то же, – пояснил он. – Что, я не знаю, какие у этих фарангов представления о газете? Они тебя все равно достанут – их время на дворе.

С тех пор мы встречались нечасто. Особенно последний год. Просматривая время от времени «Эхо», я обратил внимание на то, что Веригин вдруг и сам стал снова пописывать. То ли у них там новые фаранги пришли, то ли прежние поумнели, но ему позволили появляться с комментариями, которые не укладывались в общее направление газеты, но придавали ей некий шарм разномыслия.

В общем, если сложить все, что я знал о Веригине, и прибавить то, чего я не знаю, получалось, выяснить у него, откуда действительно растут ноги у статьи за подписью А. Степаниди, будет не так-то просто.

Моих соседей-анархистов почему-то очень волновала встреча с российскими пограничниками и таможенниками. Видимо, они боялись, что их ссадят с поезда посреди заснеженной степи или, что еще страшнее, отберут партийное знамя. Но ревностные российские служители закона на сей раз даже не появились в нашем вагоне, чем страшно разочаровали моих доблестных соседей, уже приготовившихся вступить в схватку с сатрапами тоталитаризма.

Зато полный восторг ждал их в Конотопе, где доблестные украинские таможенники и пограничники всегда начеку. Едва поезд в шесть часов утра стал тормозить у конотопского вокзала, где в любое время суток пассажирам уже много лет предлагают огромного размера плюшевых игрушек-монстров, электронасосы и чрезвычайной жирности торты, мои анархисты приникли к окнам в дикарской надежде разглядеть в непроглядной декабрьской тьме гордо реющие над пробудившейся Украиной оранжевые знамена. Невозможно описать их

возбуждение, когда они увидели над каким-то зданием что-то похожее на оранжевый транспарант. И весь остальной путь до Киева они с таким же умилением и восторгом разглядывали бурые из-за мокрого снега вещественные доказательства размаха украинской революции.

Киевский вокзал разочаровал моих юных спутников. По платформе вместо пламенных революционеров с горящими глазами слонялись сумрачные, небритые мужики и подзрительного вида немолодые бабы, явно занятые невеселыми утренними проблемами. Но ребята, пережив первые впечатления, решили немедленно выдвинуться на Майдан. Я указал им путь, а сам направился в гостиницу, которую мне заказала расторопная секретарша Бегемота.

В гостинице я снова и снова перебирал варианты своих действий. Необходимость задать пару вопросов своему старому приятелю вдруг стала вырастать в серьезную проблему. Если за текстом стояли чьи-то большие интересы, расспрашивать Веригина прямо в лоб вряд ли стоило. Как бы весело ни проводили мы время в университетские годы, сегодня мы с ним, судя по всему, оказались в недружественных лагерях. И потому объявить ему, что я приехал в Киев специально для того, чтобы выяснить, на кого он работает, означало сразу поставить нас в положение недругов, если не врагов. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Имелся другой вариант. В Москве я купил последний номер «Эха» с репортажем Веригина из Киева. Поэтому можно было позвонить ему и сказать, что я приехал по своим делам, а о его пребывании здесь знаю из газеты. И был еще третий вариант – можно было бы встретиться с ним вроде бы случайно на какой-нибудь пресс-конференции или ином революционном мероприятии со всеми вытекающими из такой романтической встречи последствиями.

Чем дальше, тем меньше нравилось мне задание Бегемота. Понятно, что Женьку втянули в чью-то чужую игру, но почему именно я должен оказаться в роли шпиона, который пришел выяснить, кто ему заплатил, и получить с этого свою прибыль? В этой истории ни ему, ни мне не была отведена роль благородного героя. Мы играли в чужой пьесе весьма эпизодические роли из разряда «Кушать подано!». И из-за этой жалкой роли я должен был предать наше прошлое? Разрушить многолетнюю дружбу, которая как-никак до сих пор составляет весьма важную часть моей жизни?

Так я накручивал и распалял себя, хотя прекрасно понимал, что Женьке будет лучше, если эту работу сделаю я, а не какой-нибудь молоденький равнодушный и скользкий хорек из конторы Бегемота или амбал из службы безопасности «Крокета». Потому что я в любом случае буду на его стороне в этой темной и для меня, и для него истории.

Несколько успокоив таким манером свою разбушевавшуюся совесть, я включил телевизор. Там как раз шел репортаж с ночного митинга на Майдане. Картинка была уже привычная – бьющие в небо лучи прожекторов, море оранжевых знамен, возбужденные веселые лица, обвязанные оранжевыми ленточками дорогие иномарки – именно их старательно ловили в кадр телеоператоры, видимо, получившие задание показать, что на митингах усердствует не только голытьба из западных областей, но и зажиточные, преуспевающие киевляне... Ужасное, застывшее лицо Ющенко, улыбающаяся Тимошенко, цепко оглядывающаяся по сторонам, значительные физиономии их сподвижников, пара российских либералов, старательно делающих вид, что они не чужие на этом празднике, какие-то иностранцы...

А еще там была Разумовская.

Моя красавица Анетта.

Да-да, моя трогательная и ласковая тигрица стояла чуть в стороне, но все-таки среди распорядителей и модераторов этого торжества, ежилась от морозного ветра и смотрела то себе под ноги, то куда-то в темное киевское небо, распоротое дымными белыми столбами прожекторов. Интересно, о чем это она думает? А еще интереснее, какими такими ветрами и надобностями занесло ее сюда, в самое сердце матери городов русских, ныне в радостном

возбуждении и нервном захлебе решившей переменить свою историю и отказаться от многих и многих своих детей?

Собственно, никакой особой загадки тут не было.

Разумовская давно уже входила в узкий круг лиц, которые по благословению нынешних хозяев жизни занимались пиаровскими компаниями на так называемом постсоветском пространстве. Они стимулировали одних персонажей, ставили клейма неисправимых на других, всячески рекламировали третьих. Они выдавали индульгенции и выносили приговоры. И это все очень хорошо оплачивалось. Хотя их действия на первый взгляд не всегда совпадали с интересами государства. Но жизнь быстро меняется – и то, что сегодня черным кажется, завтра белым становится. И наоборот. Так что, где ей сегодня быть, как не на киевском Майдане! И как я не догадался в Москве, куда она мчится по своим служебным надобностям?!

Вот только чего ее понесло на мороз, мою рассудительную и жесткую Анетту? Сидела бы себе в теплом офисе и контролировала. Это как раз в ее стиле. Неужели и ее расчетливую душу одолел оранжевый невроз?

Глава 8

Ордалия

8

Мои расчеты и планы оказались бессмысленной и зряшной ерундой. Все оказалось просто. Я шел по Крещатику, а навстречу мне шел Веригин. Все-таки Киев маленький город. Здесь все происходит на Крещатике или рядом с ним. Я думал о Разумовской и потому даже не заметил Веригина. Он сам окликнул меня.

– Пан Ледников, а вы здесь по какому случаю?

Остановившись, я какое-то время без всякого умысла недоуменно таращил на него глаза. На Женьке была вязаная шапочка, опущенная на самые глаза, которые скрывались за очками-хамелеонами, совершенно почерневшими под ослепительным киевским солнцем, отражавшимся от снежных сугробов.

⁸ В средневековом суде способ выяснения правоты или виновности тяжущихся сторон путем «Суда божьего» – огнем, водой, раскаленным железом, поединком с обвинителем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.